

ВЕПРЕВА Ирина Трофимовна

**Метаязыковая рефлексия
в функционально-типологическом освещении
(на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг)**

Специальность – 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург
2003

Работа выполнена на кафедре риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета имени А.М.Горького

Научный консультант – доктор филологических наук
профессор Н.А.Купина

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор О.П.Ермакова

доктор филологических наук
профессор Е.А.Земская

доктор филологических наук
профессор А.П.Чудинов

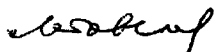
Ведущая организация – Российский государственный
педагогический университет
имени А.И.Герцена

Защита состоится 14 мая 2003 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете имени А.М.Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «8» апреля 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

М.А.Литовская

2003-А
7094

Настоящая работа посвящена изучению проблемы вербализации метаязыкового сознания в современной русской речи.

Исследовательский интерес к метаязыковому обыденному сознанию был отмечен давно и определялся разными задачами. Без учета языкового сознания рядового носителя языка, по мнению ученых, картина языковой жизни социума будет неполной, данными для лингвистики должны являться интуитивные суждения о языке, которые являются частью социолингвистической ситуации, и теория языка должна быть построена так, чтобы истолковать эти подсознательные суждения (У.Брайт, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, С.И.Карцевский, У.Лабов, Н.Хомский). В лингвистике социолингвистический аспект проблемы заключался в выяснении различий между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других. Эта последняя сфера интересов была названа *folk-linguistics*, или «народной лингвистикой» (Х.Хенигсвальд).

В отечественной лингвистике обыденные представления о языке – это прежде всего предмет диалектологических изысканий (О.И.Блинова, В.Д.Лютикова, Н.А.Лукьянова, С.Е.Никитина, А.Н.Ростова и др.), которые посвящены изучению речи носителей народной устной культуры с необученным языковым сознанием. Параллельно с исследованием диалектного материала лингвисты обращаются к обыденному сознанию так называемых средних носителей русского языка (Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев, М.А.Кормилицына, Б.Ю.Норман, Б.С.Шварцкопф), а также писательскому метаязыковому сознанию (М.В.Ляпон); к обыденному сознанию нелингвистов, представителей разных нефилологических специальностей – юристов (Н.Д.Голев, Н.Б.Лебедева, Б.И.Осипов), журналистов (А.Д.Васильев, Т.В.Шмелева), политиков (Е.И.Шейгал).

Реформирование российской экономики, кардинальные изменения социально-политической жизни на рубеже веков стимулируют усиление личностного начала речи, выступают как факторы концептуальной и языковой свободы, открывают возможности для выражения субъективной оценки говорящего (Е.А.Земская, М.В.Панов, Г.Н.Скляревская, И.А.Стернин, Г.Я.Солганик и др.). Интенсивные процессы в обществе и языке обостряют языковую рефлексию носителя языка. Активное переустройство в системе современного лексикона, быстрая сменяемость лексико-фразеологических доминант создает впечатление их резкой изменчивости и недолговечности. Языковое самосознание чутко реагирует на активную смену опорных звеньев лексикона, поэтому закономерно усиленное проявление языковой рефлексии в переломные годы истории общества. Современная речь изобилует *рефлексивами*, относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употребляемому слову или выражению. Высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей.

В связи с происходящими изменениями в политической и экономической жизни общества пересматриваются и сложившиеся представления о языке с ми-

С.Петербург
09 100 акт 984

ре. Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме сопровождается оценочной интерпретацией языкового знака, которая также проявляется в феномене метаязыкового комментирования. Эксплицитное проявление метаязыкового сознания языкового коллектива прямо связано с развитием не только языкового, но и когнитивного сознания. Современная речевая действительность открывает уникальные возможности комплексного анализа метаязыкового дискурса, позволяющего рассмотреть вербализованные продукты речемыслительной деятельности как феномен социокультурно значимой коммуникативной и концептуальной деятельности русской языковой личности на рубеже веков.

Объектом анализа являются вербализированные результаты языковой рефлексии говорящего. **Предмет** исследования – рефлексивы, или метаязыковые высказывания по поводу употребления актуальной лексической единицы.

Актуальность исследования определяется «экспансиональной» логикой развития современной русистики – интегративным подходом последней к фактам современного русского языка, системным выходом на «чужую территорию», предполагающим многоаспектность аналитического взгляда на языковой факт: Комплексный подход к неисследованному метаязыковому дискурсу современного носителя литературного языка как корпусу рефлексивов открывает перспективы создания глобальной типологии вербализованных форм метаязыкового сознания, на основании которой можно сделать лингвоментальный срез эпохи в переломный период, а также разработать лингвистическую диагностику «болевых точек» современного лингвокультурного пространства.

Цель предпринятого исследования состоит в поисках теоретического обоснования, вскрывающего причины вербализации метаязыкового сознания, в разработке концепции, служащей не только моделью описания языкового явления, но и раскрытием механизма, порождающего вербализованную метаязыковую деятельность.

Для достижения этой цели необходимо решить три группы **задач**: предварительных (I), конкретно-типологических (II), прикладных (III).

1. Предварительные задачи:

- охарактеризовать направления русистики, в которых метаязыковое сознание носителя русского литературного языка выступает как особый объект исследования.
- определить структурно-смысловые параметры опорной единицы исследования – *рефлексива*, аргументировать выбор термина для обозначения высказываний, представляющих собой результат вербализации метаязыкового сознания.

II. Конкретно-типологические задачи:

- эксплицировать понятие *напряжение*, связанное с категорией нормативности и являющееся причиной вербализации метаязыкового сознания, сформулировать критерии напряжения, стимулирующие выражение языковой рефлексии.

- выделить основные функциональные типы рефлексивов и осуществить типологическое описание корпуса рефлексивов:

- исследовать класс коммуникативных рефлексивов;
- исследовать класс концептуальных рефлексивов.

III. Прикладные задачи:

– раскрыть лингвокультурологическую значимость изучения выделенных классов высказываний, разработать основы лингвистической диагностики.

Перечисленные задачи формируют три этапа исследования вербализованного метаязыкового сознания. Каждый из этапов характеризуется различными задачами изучения метаязыковых высказываний.

На первом этапе исследования метаязыковое сознание рассматривается как компонент языкового сознания, а рефлексия как особый речемыслительный механизм, вербальной формой которого является *рефлексив*. В работе показаны возможности *аспектной интерпретации* метаязыковых высказываний (собственно лингвистической, когнитивной, психолингвистической, социолингвистической). Предпринимается попытка определения *рефлексива* в ряду понятийного терминологического ряда, выделяются в общем виде два основных типа рефлексивов: *коммуникативные рефлексивы* и *концептуальные рефлексивы*.

На втором этапе исследования для специального рассмотрения выделяются *коммуникативные рефлексивы*, извлеченные из текстовых источников, образующие в совокупности открытый дискурсивный ряд особого типа, выступающие как единицы речевого взаимодействия адресанта и адресата, как результат речевой деятельности говорящего.

На третьем этапе исследования рассматриваются *концептуальные рефлексивы*, позволяющие проследить динамику концептуального видения носителя языка, формирование новых концептов современной России, а в отраженном виде – психологическое состояние общества в определенный период развития.

Каждому этапу изучения вербализованного метаязыкового сознания соответствует глава диссертационной работы.

Материалом для анализа послужили выборки из публицистических текстов российских средств массовой информации, в том числе Интернет-журналистики, с 1991 по 2002 год (включительно). Источники материала – прежде всего газеты и журналы, рассчитанные на широкий круг читателей. Мы располагаем сплошной выборкой рефлексивов за указанный период из газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «МК-Урал». Обследованы многочисленные номера газет оппозиционной прессы (с 1992 года) и региональных газет. Автором проводились записи устной теле-, радиоречи, записи публичных выступлений общественных деятелей, ученых, политиков и устной разговорной речи. Для сопоставительного анализа использовались иллюстративные материалы «Словаря перестройки», произведения публицистики по проблемам современности.

Основные методы исследования определены спецификой изучаемого предмета. Нами использован комплекс традиционных методов лингвистического исследования: наблюдения, описания, компонентного и контекстуального анализа. Кроме того, в работе применялся метод лингвокультурологической интерпретации, опирающийся на соотнесение собственно языкового, прагматического и ментального начал речи как основы любого вербализованного метаязыкового

высказывания. На отдельных этапах работы использовался функционально-концептуальный анализ в рамках конкретной методики, разработанной З.Д.Поповой и И.А.Стерниним.

Научная новизна исследования: в диссертации предложена функционально-типологическая интерпретация феномена вербализированной метаязыковой деятельности, базирующаяся на понятии *когнитивно-коммуникативного напряжения*, связанного с категорией нормативности; обоснована эффективность специализированного употребления термина *рефлексив* по отношению к метаязыковому высказыванию; разработан лингвокультурологический подход к интерпретации феномена метаязыкового комментирования, позволяющий проводить диагностику болевых точек современного лингвокультурного пространства, выявлять процессы, происходящие в концептосфере языковой личности переходного периода, а также оценивать вербализованные продукты метаязыковой деятельности с точки зрения их социокультурной значимости.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основным фактором, влияющим на вербализацию метаязыковой деятельности, протекающей обычно на бессознательном уровне, является коммуникативно-когнитивное напряжение, возникающее при речепорождении. Напряжение, возникающее в речемыслительной деятельности, является следствием отступления от нормы и обуславливает, в свою очередь, нарушение автоматизма речепорождения.

2. Метаязыковое сознание, будучи одним из компонентов языкового сознания, представляет собой сложное, многоуровневое образование, связанное как с языковой, так и концептуальной сферами человека. Специфика метаязыковых знаний позволяет говорить о наличии двух функциональных типов рефлексивов: *коммуникативных и концептуальных*.

3. На основе факторов, создающих коммуникативное и когнитивное напряжение в речемыслительной деятельности, выделяются четыре критерия коммуникативного напряжения (динамический, стилистический, деривационный, личностный), которые могут быть положены в основу типологического описания ненормативных коммуникативных зон, получающих метаязыковой комментарий. Критерии коммуникативного напряжения коррелируют с критериями концептуального напряжения. В когнитивной деятельности очаги концептуального напряжения обуславливаются динамическим, деривационным, ксеноразличительным (социальным) и личностным критериями.

4. Критерии коммуникативного и концептуального напряжения рассматриваются как независимые друг от друга; любой языковой факт может иметь тот или иной признак напряжения. Многообразие метаязыковых высказываний обесценивается различной комбинацией признаков напряжения. По набору этих признаков все объекты рефлексии могут быть разбиты на 8 классов, имеющих градуированный характер. Разная степень напряжения языковых единиц определяет разную степень метаязыкового комментирования.

5. Природа функциональных типов рефлексивов различна. Концептуальный рефлексив, являясь отражением когнитивного опыта, в речи может реализоваться

только через слово, поэтому планом выражения когнитивного контроля являются рефлексивы коммуникативные. Таким образом, у коммуникативного рефлексива двойная нагрузка: в своей основной функции он является выражением собственного содержания, связанного с коммуникативным напряжением, а во вторичной функции – формой выражения концептуального напряжения. В случае выражения когнитивного напряжения происходит своеобразное удвоение формы коммуникативного рефлексива: он существует как содержательная структура и одновременно представляет форму концептуального рефлексива.

6. Выявленный в ходе анализа набор критериев напряжения, реализованный в смысловой структуре коммуникативных и концептуальных рефлексивов, описанных во второй и третьей главах диссертации, является самостоятельным предметом защиты.

7. Предложенная в работе интерпретационная схема, объясняющая природу вербализованных метаязыковых высказываний, реализует две лингвокультурологические задачи: служить технологической основой лингвистической диагностики болевых точек языковых процессов (коммуникативные рефлексивы); быть индикатором социальных и ментальных процессов, происходящих в современной России (концептуальные рефлексивы).

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что решение задачи типологии вербализованных форм метаязыкового сознания вносит вклад в концепцию языковой картины мира. Теоретическая ценность работы заключается также в перспективности лингвокультурологического анализа метаязыковых высказываний, в возможности их интерпретации в качестве социокультурных маркеров языковых и когнитивных процессов.

Практическая значимость результатов проведенного исследования определяется тем, что положения и выводы работы могут быть использованы в учебном курсе современного русского языка, при разработке спецкурсов по проблемам лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики. Предложенная лингвистическая типология критериев коммуникативного и концептуального напряжения может служить теоретической базой для разработки методик диагностики толерантности в СМИ, а также методик судебной лингвистической экспертизы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы были изложены автором в 33 трудах по теме диссертации и обсуждены на международных, республиканских научных конференциях (Москва 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, февраль, апрель 2000, март, сентябрь 2001, февраль, июнь, декабрь 2002; Санкт-Петербург 2000; Екатеринбург 1996, 1997, апрель, май, октябрь 1998, 1999, 2000, май, октябрь 2001, апрель, август, сентябрь 2002; Воронеж 2001; Нижний Новгород 1996; Пермь 1997; Саратов 2002; Киев (Украина) 1993, 1996; Щецин (Польша) 1996; Варшава (Польша) 2002; Хельсинки (Финляндия) 2001 и др.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы (840 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование актуальности темы, формулировку цели исследования и вытекающих из нее задач, общую характеристику работы.

Глава 1. **Метаязыковое сознание и рефлексивы** посвящена концептуально-теоретическому обоснованию проблемы. Композиционное деление этой главы обусловлено составом актуальных подходов к характеристике метаязыкового сознания. В главе разрабатывается терминологический аппарат исследования и предлагается типология рефлексивов.

В разделе **Языковое и метаязыковое сознание в психолингвистическом и когнитивном аспектах** показано, что психологический аспект проблемы в литературе занимает едва ли не главное место, так как феномен языкового сознания является частью общей проблемы «язык и мышление». Рассматриваются общие вопросы соотношения мышления и сознания, процесса порождения и понимания речи, программирования процессов вербализации, описывается структура языкового сознания по характеру отражаемой ситуации, по соотношению осознаваемого и бессознательного, индивидуального и всеобщего. Подчеркивается, что вопрос о вербальности/невербальности сознания не находит в современной литературе однозначного решения. Многие современные лингвисты полагают, что теория неразрывного единства языка и мышления — «вчерашний день языкознания» (А.Т.Кривоносов). Мысль присутствует в сознании человека и в довербальной форме, сознание шире и богаче языковой семантики, существует особый универсальный язык мысли (УПК, по Н.И.Жинкину), имеющий невербальную природу и единый для всех. Мышление протекает у всех людей в одной и той же форме, а затем подвергается или не подвергается вербализации.

Ученые, разграничивающие сознание и языковую семантику, работают в рамках концепции удвоения мира, поскольку язык, моделируя мир в языковом сознании, создает особый национально-субъективный образ мира. Преломленное через призму языка видение мира получило в лингвистике наименование «языковой картины мира» (Н.Д.Арутюнова, Ю.Д.Апресян, Г.А.Брутян, Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев, Н.Г.Комлев, О.А.Корнилов, С.А.Кошарная, В.И.Невойт, В.А.Пищальникова Е.В.Урысон, В.Холличер, Е.С.Яковлева, Л.В.Яценко и др.).

Оперативной содержательной единицей языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике, в когнитивной науке был назван *концепт* — глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания, идеальная сущность, которая формируется в сознании человека. Язык может являться одним из способов формирования концептов в сознании человека. Вербализация концепта одновременно включает и метаязыковую способность носителя языка, поскольку она направлена на познание языка как элемента действительного мира.

Выделение в языковом сознании уровня скрытого осознания и уровня явных высказываний, которые фиксируют факты осмысления языковых закономерностей, логически вводит в круг исследования проблему знаний, когнитивных

образований, относящихся к итогам познавательной деятельности человека и результатам осмысленного им предметного опыта. К знаниям относится набор сведений, отложившихся в сознании. Расчлененность знаний по предметным областям позволяет выделить в языковом сознании особый круг знаний о языке как объекте познания. Эту область рационально-логического языкового сознания, направленная на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, называют *метаязыковым сознанием* (О.И.Блинова, Б.М.Гаспаров, Е.В.Ейгер, С.Е.Никитина, А.Н.Ростова, В.Хлебда). *Метаязыковое сознание* является компонентом языкового сознания, манифестирующим рациональное понимание языка и его интерпретацию. В широком плане метаязыковое сознание включает и бессознательное, и сознательное знание о языке и глубинных процессах речевой деятельности. Феномены метаязыкового сознания различаются по объекту осознания (какие именно элементы речи осознаются) и по уровню осознания (от автоматической регуляции речи до четких высказываний о языке). В узком плане неосознанный уровень знаний людей о своей речи, ее единицах отождествляется с понятием «языкового чутья», которое связывается в большей степени с нерасчлененным переживанием, чем с сознательной логической операцией, рассматривается на стыке чувства и знания. Большинство авторов языковое чутье рассматривается как некая сумма знаний о языке, полученная в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи. Но как только возникает препятствие в речевом механизме и механизм начинает осуществлять контроль и регуляцию речевой деятельности, эти знания о языке получают свою вербальную экспликацию, а это проявление языковой рефлексии и принято называть *метаязыковым действием*. Осознанная экспликация языкового чутья от простейших рассуждений о языке до сколь угодно сложных концептуальных построений присуща всем без исключения говорящим.

Метаязыковое сознание как форма общественного сознания существует на уровне теоретически систематизированного сознания, представленного системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, входящих в область лингвистической науки, и уровне обыденного сознания в форме массовых эмпирических знаний и представлений, полученных в результате практически-духовного освоения действительности. Теоретическое и обыденное метаязыковое сознание отражают одну и ту же языковую действительность, но отражают по-разному и функционируют в разных сферах деятельности.

В разделе **Метаязыковое сознание в социолингвистическом аспекте** дается характеристика предметной области социальной лингвистики, особенностям развития социолингвистики на современном этапе, выделяется ряд направлений, получивших интенсивное развитие в последнее десятилетие.

Социолингвистический взгляд на языковые изменения дает возможность установить причинно-следственные связи между языковыми и социальными изменениями, найти коррелятивные отношения между языком и социальной средой (О.П.Ермакова, Е.А.Земская, Л.П.Крысин, В.Г.Костомаров, Н.А.Купина, В.Ю.Михальченко, И.А.Стернин, Г.Н.Скляревская, В.Шапошников и др).

Результаты социалингвистических исследований специфически преломляются на уровне теоретического изучения метаязыкового обыденного сознания: уровень обыденного сознания материализуется обычно средствами устной публичной или разговорной речи, отражает активные процессы, происходящие в современном русском языке, а также ценностную трансформацию мировоззренческих установок.

Метаязыковое сознание остро реагирует как на динамику социальной жизни, так и на активные языковые процессы, поэтому актуальной становится проблема соотношения диахронии и синхронии, которая отражает еще один круг вопросов социалингвистики — процесса социального развития языка. На основе сопоставления различных точек зрения на соотношение синхронии и диахронии мы пришли к выводу о том, что изучение метаязыковой деятельности, фиксирующей синхронно-функциональное ощущение диахронных изменений, т. е. изменений в процессе их осуществления, относится к классу синхронных исследований диахронных языковых фактов.

Общность социокультурного и языкового опыта говорящих в рамках одного временного периода создает определенную целостность и однородность знаний языкового коллектива, которые подвергаются рефлексивному осмыслению. Роль метаязыкового обыденного сознания исключительно велика, потому что осмыслению подвергаются наиболее значимые для данного синхронного среза и данной культурно-языковой общности как элементы речевой деятельности, так и ключевые концепты эпохи. Вербализация метаязыковой деятельности является одним из компонентов языковой ситуации.

В разделе **Метатекст и рефлексивы: терминологические ряды и рефлексивы** содержится обоснование лингвистического статуса ключевого термина, вводимого в план анализа, определяются его семантика и способы текстовой манифестации, характеризуется типология критериев коммуникативного и концептуального напряжения, являющаяся интерпретационной схемой для понимания природы гетерогенного корпуса метаязыковых высказываний.

Исследователи, изучающие метаязыковую деятельность говорящего, пользуются целым рядом коррелятивных терминов. Наряду с традиционным термином «метаязык», толкуемым как «язык второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект», предмет языковедческого исследования, в специальной литературе употребляются термины «метатекст», «метаречь», «метасредства» и т.д. Кроме того, объем метатекстовых конструкций определяется по-разному. При широком подходе «метатекст» понимается как строевой компонент текста, выполняющий иллюкутивную функцию, связанную с речевыми шагами говорящего по порождению текста (основы такого понимания заложены в работе А.Вежбицкой «Метатекст в тексте»). При узком подходе метатекст понимается как вербальная экспликация по поводу лексической единицы, представляющая собой разнообразный комментарий к выбору слова (Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев, Б.Ю.Норман, А.Н.Ростова).

Выбрав предметом исследования метаязыковые высказывания по поводу употребления актуальной лексической единицы, в ряду синонимичных термино-

логических единиц мы отдали предпочтение термину «рефлексив», поскольку он подчеркивает главную черту данных образований – наличие языковой рефлексии, удобен в употреблении. В качестве недостатка данного термина следует признать его омонимичность, закрепленность в традиционной грамматике для обозначения субъектно-объектной кореферентности и средств ее выражения.

Рассматривая общие закономерности построения рефлексивов, мы пришли к выводу об отсутствии жестко организованной формы при тенденции к их вариативности. Объединяет всю совокупность рефлексивов общность объекта — рефлексия носителя языка по поводу своего лексикона. Способность языка к автореференции в контексте манифестируется рядом формальных показателей — дискурсивных маркеров, метаоператоров. Формальным сигналом к определению рефлексива служит прежде всего наличие в анализируемом отрезке метаоператора, к которому относится лексическая единица «слово», а также наиболее частотные «речевые слова» (В. Г. Гак), глаголы и существительные, обозначающие речевые действия: *речь, имя, говорить, называть, подбирать, понимать, употреблять, использовать* и др. К речевым глаголам относятся не только глаголы речевой деятельности, а, шире, глаголы подполя интеллектуальной деятельности, куда входят слова, относящиеся к сфере знания, мышления, понимания, а также глаголы подполей других видов деятельности, употребляющиеся в переносном значении в сочетании с лексической единицей «слово».

Коммуникативный модус говорящего варьируется. Во-первых, субъект речи может комментировать слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию — данный тип рефлексива можно назвать *метаязыковым комментарием*, который по своей природе эпистемичен, пополняет информационный фонд адресата: *Слово «авоська» впервые прозвучало со сцены именно из уст Райкина. Вообще-то этот монолог написал Владимир Поляков, но в народ слово вошло с легкой руки Аркадия Исааковича* (Телемир, 2001, март); *Мы привыкли к слову «имидж» и даже примерно знаем, что оно означает. Кстати, с английского «имидж» переводится как «образ»* (Наша газета, 2001, нояб.). Во-вторых, говорящий может выразить к слову свое отношение. Рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата. Этот тип оценочных метавысказываний при сопоставлении с простым комментированием мы можем назвать *метаязыковой интерпретацией*, поскольку говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, представляемой через текст, вербализует также интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации — психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т. п.: *Старый, добрый Островский с вкусными русскими словечками «особлива», «хоша»* (Русский восток, 1996, №19); *Ненавижу это слово «сенсация»* (КП, 1999, дек.); *Как угодно можно относиться к слову «перестройка», но она меня действительно перестроила* (ОРТ, Доброе утро, 29.03.02.).

Оценочные сообщения в речи встречаются чаще, чем беспристрастные комментарии. Рациональная оценка обычно связана с выражением мнения говорящего-слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Отсюда разнообразные варианты выражения речевой критики: *правильно — неправильно, точно — неточно, верно — неверно* и т. д. Помимо них, существуют речевые стереотипы критики речи: *строго говоря; точнее говоря; грубо говоря; мякно говоря; одним словом; короче; не знаю, как выразиться; не нахожу слов; другого слова не подберешь; лучше сказать; если можно так выразиться*, которые носят характер попутных замечаний, коротких реплик. Самыми частотными и действенными операторами эмоциональной оценки являются глаголы *люблю — не люблю, нравится — не нравится*, определяющие выбор лексических средств, грамматической модели, синтаксический строй высказывания.

Сенсорные оценочные операторы информативно недостаточны, поэтому они всегда нуждаются в экспликации и конкретизации. Обычно в рефлексиве после общей сенсорной оценки идет содержательный комментарий, объясняющий оценку слова: *Мне не нравится слово «парапсихология», оно неправильно для обозначения того, чем я занимаюсь* (МК-Урал, 1999, февр.); *Я не люблю слово «меценатство». Оно сильно напыщено* (ОРТ, Доброе утро, 27.10.98).

Содержательная часть высказывания является факультативной и, распространяя метавысказывание, включается в его состав. Именно поэтому границы рефлексива не всегда могут быть определены четко. При условии, что рефлексив задает самостоятельную тему внутри текста, эксплицируя ее в метаоператоре, его начало легко вычленяется. Нижняя граница бывает размытой или прерванной, «растворяется» в структуре основного текста, обеспечивая естественность и незаметность перехода в основную ткань текста.

Кроме нейтральных операторов оценки «люблю — не люблю», «нравится — не нравится», в рефлексивах присутствуют синонимические выражения отрицательной или положительной оценки, которые создают экспрессивные варианты метаязыкового фона, направленные на максимальное воздействие на слушающего, например: *ненавижу; мне глубоко противна формулировка; не подташниковат ли вас от этих слов; кого не бросает в дрожь; обожаю это слово* и т. д.

Общие аксиологические значения могут быть представлены в рефлексивах прилагательными, характеризующими то или иное употребляемое слово, например: *хорошее, замечательное, прекрасное, плохое, отвратительное, дьяволоподобное слово*. Частнооценочные прилагательные связаны с разнообразными типами оценок, среди которых гедонистические по-прежнему стоят на первом месте: *гордое, здоровое, ласковое, сладкое, заветное, мягкое, емкое, громкое, мяккое, теплое, корявенькое, неприятное, жесткое, горькое, соленое, дикое, нудное, оскорбительное, отвратительное, уничижительное, дурацкое слово*. Метафорические прилагательные демонстрируют иерархию синестетического переноса от простого к сложному: от осязания, наиболее древнего из сенсорных систем, — *мяккое, теплое, корявенькое, жесткое, грубое*, к вкусовому — *сладкое, сочное, приятное, горькое, соленое, вкусное, аппетитное*, к зрительному — *круглое, яркое,*

светлое, грязное, цветное, короткое, к слуховому опыту – *громкое, тихое, приглушенное, оглушительное*. В рефлексивах мы встречаем весь круг изначально ограниченных «сенсорных» слов, используемых в речи для оценки слова.

В основе речевой и ментальной деятельности лежит система стереотипов, которая не осознается и является предсознательной. Будучи обязательным компонентом языковой способности, метаязыковое сознание также обычно протекает на бессознательном уровне и обеспечивает автоматизм речевой деятельности, при этом выполняя функцию контроля, функцию проверки «настроенности» коммуникантов на одну волну. Сам механизм языкового контроля — это «механизм сличения и оценки соответствия значения и/или формы данной языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом» (Г.В.Ейгер), а также коррекция реализации в случае расхождения с эталоном.

При взаимодействии людей с различиями по полу, возрасту, национальности, религии, культурному уровню, социальному слою стереотипы становятся психологическими барьерами в межличностном общении. Коммуникативные трудности мобилизуют бессознательную избыточность метаязыковой способности, которая прорывается в сознание, и в этом случае мы имеем дело с экспликацией метаязыкового сознания в речи. Рефлексивы представляют собой в е р б а л и з а ц и ю сознательных интеллектуальных усилий по преодолению автоматизма речевых действий. Обычно рефлексив выступает как опережающая реакция говорящего, реализующая принцип вероятностного прогнозирования на основе прошлого опыта.

Типология рефлексивов зависит от особенностей метаязыковых знаний, которые одновременно входят в языковое и когнитивное сознание индивида. Думается, что когнитивное состояние индивида и акт употребления лексической единицы в контексте связаны между собой, совместно «работают» для объяснения общего феномена порождения и понимания языковых высказываний говорящего/пишущего.

Нами выделено два функциональных типа рефлексивов: 1) рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие языковой контроль на речепорождающем уровне; 2) рефлексивы, возникающие на уровне превербального этапа формирования речевого высказывания и реагирующие на концептуальное напряжение в речемыслительной деятельности. Можно говорить о двух достаточно автономных механизмах контроля «за реализацией семантической (смысловой) единицы (1-й механизм) и за реализацией конкретно-словных (2-й механизм) единиц» (Ю.В.Красиков). Данное разделение поддерживается наблюдениями А. А. Залевской, Ю. С. Степанова, Р. М. Фрумкиной, Г. В. Ейгера и других ученых, которые в том или ином аспекте развивали мысль о неразрывности процедур добывания знаний и операций с ними, о потенциальной коммуницируемости когнитивного опыта.

При речемыслительной деятельности сигналом к растормаживанию автоматизма речи является отступление от стандарта. Человек острее реагирует на отход от языковой нормы, на проявление языковой индивидуальности партнера по коммуникации. Нами отмечены факторы напряжения, приводящие к нарушению

автоматизма порождения речи. Их определение связано с разграничением нормативных и ненормативных речевых зон. Нормативным является такое употребление языкового знака, при котором он может быть адекватно и единообразно понято коммуникативным партнером, норма в языке выполняет «охранную» функцию. Критерий оценки нормативности языкового выражения — это прежде всего его способность обеспечивать понимание при коммуникации. В свете всего изложенного норма выступает как основание для выделения *критериев напряжения*, поскольку невозможность быть понятым вообще или понятым правильно большинством носителей языка — основная характеристика, которая дается учеными языковым аномалиям. Выделено четыре основных критерия.

1. **Динамический критерий** отражает временную характеристику употребления слова. Суть этого критерия заключается в следующем: норма предполагает наличие частотности, повторяемости, узнаваемости. Употребление новой, незнакомой лексической единицы создает напряжение. Интенсивное пополнение лексики нарушает стабильность языковой лексической системы, приводит к рассогласованию элементов на отдельных ее участках. Парадигматическое рассогласование проявляется в процессе речепорождения, и в этом случае метаязыковой комментарий по поводу нового слова выступает как механизм защиты, фиксируя внимание слушающего, создавая эффект предсказуемости ввода в текст лексической инновации, восстанавливая информативную устойчивость текста: *С легкой руки «кремлеведов» или «кремлесидельцев» был даже введен новый термин — управляемая демократия. По-моему, я теперь начал понимать, что он означает* (МК-Урал, 2000, сент.); *Триллионер... Этого слова пока еще нет даже в самом полном словаре английского или русского языка* (МК-Урал, 2000, нояб.).

2. **Стилистический критерий**, или критерий нейтральности/отмеченности. Нейтральная единица в силу своей неоценочности, немаркированности является широкоупотребительной, познается как безусловно нормативная, привычная, незаметная. Стилистически маркированная единица всегда в фокусе внимания носителя языка. Особое напряжение вызывает любая стилистическая инновация, так как подобная лексическая единица демонстрирует отступление от нормы сразу по двум критериям — динамическому и стилистическому. В связи с усилением напряжения динамика стилистической нормы в рамках синхронной системы получает обязательный метаязыковой комментарий. Речемыслительные процессы, ориентированные на нормативно-стилистический отбор и сочетаемость, всегда протекают под особым контролем сознания, а период высокодинамического типа эволюции стилистических норм приводит к возрастанию роли метаязыковой деятельности этого типа: *Из Вас энергия так и, извините за вульгаризм, так и прет* (Л. Якубович, Поле чудес, 29.12.00); *Потребитель должен схватить, извините за это выражение, все, что ему дают* (ОРТ, Процесс, 11.01.01).

3. **Деривационный критерий**. Дериватологи отмечают, что в оппозиции «производящие формы — производные формы языка» все производящие

формы как более простые тяготеют к нормативности, а производные формы, как более сложные, — к ненормативности.

Лексические деривационные процессы в системе языка сводятся к двум разновидностям: 1) семантической деривации, или отношениям семантического варьирования отдельного многозначного слова; 2) формально-семантической деривации, или отношениям словообразовательной производности.

В области лексической семантики этот критерий позволяет выявить следующую закономерность деривационно-мотивированной семантики: прямое значение нормативнее переносного, основное нормативнее вторичного, коннотативного. Такие же отношения распространяются и на единицы, связанные формально-семантической производностью: непрямые единицы нормативнее производных. Например: *Кириенко вообще в результате своего шага навстречу Кремлю стал своеобразным политическим рекордсменом — он во второй раз смог совершить политическое самоубийство. Если выразиться в переносном смысле — снова объявил дефолт, только теперь не России, а самому себе* (КП, 2000, март); *Поскольку в словах «говядина» и «разговляться» есть общие корни. я решил сегодня пригостить говядину* (ОРТ, Смак, 30.04.00).

4. Личностный критерий. Любой текст как продукт речевой деятельности заключает в себе противоречие: он стандартен в силу воспроизводства единиц — и креативен в силу индивидуального семиотического творчества. Творческое начало авторского текста многопланово. В первую очередь перед говорящим/пишущим встает проблема точности формулировки авторского замысла, выбора речевых средств, адекватно выражающих коммуникативную задачу. В этом случае рефлексивы выступают как вербализованная культурно-речевая оценка своих или чужих речевых усилий, как эксплицированный процесс переживания соответствия/несоответствия актуального смысла и словарного значения и, шире, — как оценивание и характеристика нормативно-ценностного факта: *Я не люблю слово «пюса». Слово «эстрада» тоже как-то не подходит: слишком старомодно. Давайте называть это популярной музыкой, которую сегодня ругают все, кому не лень* (АИФ, 1999, окт.); *У меня была цель, мечта, не знаю, как сказать точнее. Мечта — это круто. Было банальное желание сделать первый прыжок* (ОРТ, Розы для Лены Бережной, 8.03.02).

Нормативное оценивание словоупотребления зачастую связано с эстетической позицией говорящего, с понятием эстетического идеала, представлением о хорошей речи: *...Главный мытарь страны (обожаю это слово!) А. Починков* (АИФ, 1999, нояб.); — *Для семьи очень нужен достаток. — Достаток — вот это слово. Хорошее слово* (ОРТ, Пока все дома, 5.12.00). Эстетическая позиция говорящего пронизывает все метаязыковое дискурсивное пространство, составляя оценочное приращение, которое трудно обособить, выделить в качестве отдельного. Эстетическую оценку можно рассматривать как показатель меры эмоциональной реакции на объект оценки.

Таким образом, движущей силой вербализации метаязыкового сознания являются ненормативные факты языка. Норма при этом, являясь определенным фоном, обеспечивает автоматизм речи, а все новое, сложное, маркированное,okka-

зиональное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством, проявляется как отступление от нормы, что на самом деле столь же нормативно и органично в речевой деятельности. Если выделенные критерии рассматривать как независимые друг от друга, то все языковые факты, пропущенные через них, приобретают тот или иной признак напряжения, обозначенный знаком «плюс»; признак напряжения может отсутствовать, отсутствие напряжения целесообразно обозначить знаком «минус». По набору этих признаков все объекты рефлексии могут быть разбиты на восемь классов нормативности. Эти классы имеют градуированный характер, и можно говорить о разных степенях напряжения или нормативности лексических (фразеологических) единиц, которые определяют разную степень метаязыкового комментирования.

Данные рассуждения могут быть представлены в табличной форме.

Критерии	Классы							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Динамический	+	+	+	+	–	–	–	–
Стилистический	+	+	+	–	+	–	–	–
Деривационный	+	+	–	–	+	+	–	–
Личностный	+	–	–	–	+	+	+	–

Комментарии к таблице

– Языковые единицы, имеющие знак «плюс» (+) по всем критериям, чаще всего сопровождаются в речи метаязыковым комментарием. И наоборот, языковые единицы, имеющие знак «минус» (–) по всем критериям, обычно не сопровождаются рефлексивом.

– В составе одного рефлексива лексическая единица может получать характеристику по разным основаниям, по разным критериям напряжения.

– Данные критерии выделены для *коммуникативных рефлексивов*, поэтому названы *критериями коммуникативного напряжения*.

Выделенный 2-й тип рефлексивов назван *концептуальным*. Кроме коммуникативного напряжения, в любом тексте возможно и концептуальное напряжение, которое также эксплицируется в виде рефлексива. *Критерии концептуального напряжения* коррелируют с критериями коммуникативного.

Усиление современной метаязыковой концептуальной деятельности индивида связано в первую очередь с *динамическим* критерием, а именно с интенсивным развитием когнитивного сознания. Следствием такого развития является перестройка мировоззренческих установок, приспособляющих человека к общественно-экономическим изменениям.

Стилистический критерий коррелирует на уровне концептуальных рефлексивов с *ксеноразличительным (социальным) критерием*. Корреляция возможна на основе дихотомии «свой» — «чужой»: говорящий всегда координирует свой личный языковой и когнитивный опыт с опытом другого. На коммуникативном уровне эта координация проявляется в использовании стили-

стически маркированных единиц, ориентированных на чужое слово. Фактором, обуславливающим этот критерий на концептуальном уровне, является мировоззренческая установка языковой личности. Оценивая одни и те же факты, носители языка реализуют разные мировоззренческие установки с помощью характеризованных речевых действий в рамках базовой системы координат «свой» — «чужой». Рефлективы в этом случае часто выполняют социально-оценочную функцию.

Деривационный критерий на концептуальном уровне реализуется как идеологическая переориентация концептосферы. При реформировании российской экономики, политическом переустройстве страны произошла идеологическая ломка общественной модели поведения. Следствием этого процесса стало, во-первых, переосмысление лексики политического и экономического дискурсов; во-вторых, — стирание пейоративной оценки, появившейся у тех или иных слов в советское время, освобождение семантики от оценочных идеологических добавок советского времени, формирование новых коннотативных смыслов.

Личностный критерий на концептуальном уровне выявляется в высказываниях, фиксирующих индивидуальные концептуальные признаки, отличные от признаков, характеризующих концептосферу другой языковой личности. (Отметим, что концепты могут быть общенациональными, групповыми и личными). Кроме личных концептов, индивидуальные черты проявляют себя и в стандартизованных концептах.

Концептуальные рефлективы, как и рефлективы коммуникативные, могут включать характеристику концепта по разным основаниям напряжения. Вместе с тем структура концептуальных рефлективов двупланова. Поскольку связь рефлектива со звеном концептуального контроля осуществляется всегда через слово в речи, постольку планом выражения концептуальных рефлективов являются рефлективы коммуникативные. Коммуникативные рефлективы, выступая, с одной стороны, в качестве формы для выражения концептуального рефлектива, с другой стороны, способа существования и выражения содержания коммуникативного напряжения, представляют собой две разнородные по своей природе субстанции, объединенные в дискурсивном пространстве в функциональное целое.

Из сказанного следует, что коммуникативный рефлексив имеет двоякую природу. В своей основной функции такой рефлексив является самостоятельным явлением, содержательным фактом, связанным с маркированием очага коммуникативного напряжения на речепорождающем уровне. Но у коммуникативного рефлектива есть вторичная функция: по отношению к концептуальному рефлексиву коммуникативный рефлексив есть его форма. Происходит своеобразное удвоение формы коммуникативного рефлектива: он существует как содержательная структура и одновременно представляет форму концептуального рефлектива. Каждый класс концептуальных рефлективов может быть оформлен как коммуникативный рефлексив любой разновидности.

Ярче всего двуплановость концептуальных метаязыковых высказываний проявляется в группе рефлективов, обусловленных ксеноразличительным крите-

рием напряжения. Данный тип рефлексивов выполняет социально-оценочную функцию, реагируя на изменения в общественной жизни. Коммуникативную стратегию, связанную со стремлением выразить свое суждение о современном мире, говорящий как бы маскирует под рефлексивный акт, связанный с оценкой фактов речи, например: *Зюганов произнес в общем-то крамольную для всякого православного фразу: «Настроение масс явно клонится влево». Только точнее было бы сказать не «влево», а налево, т. е. в сторону дьявола, золотого тельца. Бес всегда тянет человека в левую сторону, потому что стоит за его левым плечом. Все партии, созданные с помощью еврейского золотого капитала (а компартия — одна из них), являются левыми партиями, т. е. сатанинскими. К ним же относятся и все демократические партии* (Россиянин, 1995, № 3).

Предложенная типология рефлексивов позволяет выявить те участки речемыслительной деятельности индивида, которые требуют активного сознательного участия языковой личности в создании текста, мотивированного вхождения в речевое дискурсивное пространство, демонстрируют гибкость мышления, его способность включаться в новые ситуации, функционировать в новом языковом материале.

Глава 2. **Коммуникативные рефлексивы** содержит аналитическое описание коммуникативных рефлексивов, обусловленных выделенными выше критериями коммуникативного напряжения.

Раздел **Динамический критерий** содержит характеристику коммуникативных рефлексивов, ориентированных на выяснение временных параметров лексической единицы. Метаязыковые высказывания позволяют выделить ядерные зоны обыденного знания о динамике языковых единиц, фиксируют стадии жизни слова в языке: 1) этап вхождения слова в язык, фиксация первого знакомства со словом; 2) этап узуализации лексемы, протекающий через последовательные стадии усвоения значения слова, активного функционирования, укоренения в языке, возможной пассивизации.

В период активного функционирования слова обыденное сознание характеризует слово как *модное*. Для объяснения факта существования модных слов была использована теоретическая модель моды, предложенная А.Б.Гофманом. По Гофману, модель моды двухъярусна. Во-первых, она включает ядро модных ценностей, реальных регуляторов поведения, названных автором атрибутивными. Атрибутивными ценностями моды являются современность, универсальность, демонстративность и игра. Атрибутивные ценности моды являются общими для всех, они определяют принадлежность того или иного объекта к разряду модных. Но за этим ценностным единством кроется многообразие ценностей, которые можно назвать внешними, или денотативными. Будучи внешними относительно структуры моды, денотативные ценности для субъектов моды составляют сильный мотивационный слой.

Структурные признаки модного объекта преломляются особым образом в слове, которое обыденное языковое сознание определяет как модное. Модными словами называют новые слова, превысившие порог частотности. Высокочастотные лексические единицы с элементом новизны обладают такими фундаменталь-

ными признаками модного объекта, как современность и универсальность. С универсальностью связана такая черта моды, как массовость. Мода носит глобальный характер, участники моды ощущают свою принадлежность к обширному, неопределенному целому: *Аксессуары — очень важная часть имиджа (ох, не люблю я этого слова, но куда деваться). ...Для поднятия своего имиджа (все, последний раз, честное слово) лучше ездить не на такой машине, как у вас* (Men's health, 2001, авг.).

Два признака слова — новизна и массовость употребления — являются достаточными для обыденного языкового сознания, чтобы считать лексическую единицу модной. Наряду с широким пониманием модного слова обыденным сознанием, существует точка зрения лингвистов, изучающих феномен модного слова, которые сужают это понятие. Они утверждают, что модное слово не может обозначать новый денотат, оно всегда является новым обозначением известного явления (О.И.Титкова, Е.В.Розен). Данная примета слова — один из ценностных компонентов модного объекта.

Мода на словоупотребление может определяться эстетической потребностью говорящего к обновлению речи. Эта потребность реализуется в смене формы языкового знака при тождестве содержания и определяется другой ценностью моды — игрой, которая является универсальным элементом культуры. Мода циклична, прерывиста. Эстетика обновления формирует определенный «модный знаковый спрос», которому противостоит «модное знаковое предложение» со стороны культурных образцов, еще не ставших модными. Знаковый износ определяет потребность в замене знаковых средств и стимулирует поиск и отбор иных лексических единиц.

Смена номинации постоянно фиксируется в метаязыковом сознании говорящего. Языковое сознание выполняет в этом случае функцию идентификации, восстанавливая связь времен, через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности. Помещенные в один контекст метаязыкового комментирования временные синонимы способствуют новой интерпретации фактов истории: *Раньше таких людей называли администраторами, сейчас — модным словечком «продюсер»* (КП, 1999, нояб.); *Что же до модной клички «лица кавказской национальности», то в Москве моего детства все они считались «грузинами»* (Новая газета, 2000, февр.); *Теперь она реализатор на вещевом рынке (по-старому — просто продавец)* (АИФ, 2000, июнь).

Последняя внутренняя ценность моды — демонстративность — имеет корни в биологических аспектах своего существования, в стремлении быть внешне привлекательным для другого. Мода — одна из форм коммуникации, и демонстративность способствует быстрой и экспрессивной презентации своего «я». Для современной эпохи с ее динамизмом характерна непродолжительная и поверхностная коммуникация, где модное слово становится маркером благодаря своей демонстративности. Наличие демонстративности побуждает исследователей трактовать моду как поверхностную сторону человеческого существования. Именно поэтому всему массиву рефлексивных высказываний, оценивающих лексическую

единицу как модную, присуща дополнительная аура, передающая чувство-отношение к данному слову в диапазоне неодобрения. Этот негативный оттенок часто проявляется через употребление диминутивных единиц «словечко», «словцо», которые встречаются наряду с нейтральной единицей «слово». Диминутивы являются одним из ярких знаков личностных эмоционально-оценочных состояний и отношений: *Модное словцо «любер» превратилось в изрядно раскрученный лейбл, под которым в Люберцах стали проходить соревнования по тяжелой атлетике и бодибилдингу* (МК-Урал, 2000, янв.); *Раньше их называли просто «певец» или «певица». Теперь употребляют модное словечко «проект». Каждый год на нашей эстраде появляются десятки новых «проектов»* (Там же, март).

Раздел **Стилистический критерий** посвящен коммуникативным рефлексивам, которые являются своеобразными маркерами естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса, фиксируют формирование стилистических норм нового времени. Рефлексивы отражают сдвиги в общей стилистической структуре русского языка 1990-х годов: изменение стилистической принадлежности единиц, развитие стилевой диффузии, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики.

Употребление в речи образованного носителя языка сниженной лексики с последующим метаязыковым комментированием говорит о первом этапе ввода этой лексики в состав литературного языка, о формировании новых стилистических стереотипов: *Извините за грубое выражение, у нас либо по фигу, либо по благу* (ОРТ, Час пик, 11.02.97); *Рядом должна быть очень сильная команда. Чтобы она не пристраивалась, извините, к заднице* (Там же, 1999, дек.). Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель литературного языка испытывает культурно-речевой дискомфорт. Ему приходится виниться. Чаще всего метаоператоры в составе данных рефлексивов представляют собой этикетные клише, готовые формулы (*извините, простите за ...*), вводимые в текст при употреблении табуированной лексики. Парадокс заключается в том, что, извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. Рефлексив при этом сигнализирует о выборе эмоционально-экспрессивного варианта как предпочтительного, прямо выражающего отношение автора речи к обозначаемому, о начале процесса детабуирования сниженного слова.

Говорящий, сопротивляясь бурной стихии просторечной и жаргонной лексики, чаще всего мотивирует выбор единицы социально ограниченного употребления отсылкой к коллективной точке зрения, к третьей культуре, «прячется» за чужую речь. Чтобы не стать жертвой дурновкусия, носитель литературного языка свою стилистическую свободу оправдывает совмещением своей и чужой речи. Например: *Как добиться богатства без халявы, говоря народным языком?* (ОРТ, Час пик, 8.12.97); *На Москву тоже наехали, выражаясь жаргонным языком* (ОРТ, Час пик, 4.09.97). Игра точкой зрения ориентирована на коммуникативного партнера, который должен понять, что адресант остается в общей для обоих социально-культурной общности, хотя и использует специфические элементы других субязыков. Оппозиция «свой» — «чужой», развиваясь, не переклюкает коммуникацию в пространство чужой культуры.

Аргументацией употребления сниженного слова, представленной в рефлексиве, может быть ссылка на частотность употребления единицы («все так говорят»). На первом этапе вхождения сниженной единицы в общий лексикон необходима фоновая поддержка в виде рефлексива: адресант через стереотип «все так говорят» распространяет степень нравственной вины на все общество в целом. В то же время он занимает позицию активного носителя языка — «такого, как все», речевой опыт которого свидетельствует о высокой употребительности нелитературного варианта. Подобные рефлексивы демонстрируют готовность говорящего усмотреть возможность разных взглядов людей на одну и ту же ситуацию, на одно и то же слово, подчеркивают свободу говорящего в стилистическом выборе и в то же время показывают произвольное подчинение языковой моде. Они свидетельствуют о взгляде на обычное, привычное как хорошее и правильное.

В свою очередь, принимая частотную сниженную единицу, адресат включает ее в свой индивидуальный лексикон, а когда выступает в позиции адресанта, способствует ее дальнейшему распространению. Во взаимодействии позиций говорящего и слушающего осуществляется вхождение ненормативной единицы в литературный лексикон. Критерий употребительности позволяет воспринять единицу как возможную в нормативном ряду. В восприятии коммуникантов осуществляется центростремительный процесс: перемещение нелитературных единиц в литературный язык: *Как принято говорить, они парили мозги охране* (Детектив-шоу, 4.03.00); *Технического директора, как сейчас принято говорить, достают* (ОРТ, Человек и закон, 6.01.99); *И в Минобороны, и в МВД уже не скрывают, что у них есть заказ «замочить», как сейчас говорят, Басаева и Хаттаба* (КП, 1999, окт).

Тенденция к стилистической сниженности сопровождается центробежным процессом – вымыванием высокого стилистического слоя лексики. Современный речевой быт обнаруживает двойственное отношение к высокому стилю. С одной стороны, мы избегаем их, так как хотим сохранить высокие слова для тех моментов, когда они окажутся уместными в речи. Отсюда рефлексивы, в которых отмечают необходимость осторожного обращения с высокими словами: *Слишком высокие слова: «звезда», «поэт»* (АИФ, 1998, янв.). С другой стороны, в рефлексиве возможна отрицательная оценка слова, воспринимаемого адресантом как высокое: *Благодаря Бугримовой дрессировщика стали называть высокопарным словом «укротитель»* (ОРТ, Время, 20.02.01).

Неприятно пафосной лексики способствует предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался расхождением официального и неофициального. Официальный язык советской эпохи, располагающий набором речевых идеологических стереотипов, занял нишу высокого стиля. Отторжение официального языка как языка лжи автоматически отторгает и пафосную лексику. Вымывание высокого стиля — своеобразная реакция на советский официоз, лжевысокий стиль тоталитарного времени.

Характерно, что слова, воспринимаемые как высокие, часто оказываются стилистически нейтральными. Они приобретают в речи коммуниканта признаки высокого слова по разным, чаще всего фоновым, критериям. Во-первых, ощущение

ние высокого задано канонами советской идеологии, предполагающей сакрализацию социально значимых понятий из сферы высоких чувств и принципов, обозначающих такие ценностные категории абстрактного характера, как *свобода, равенство, долг, любовь к родине, патриотизм, творчество*. Во-вторых, ощущение высокого задано традицией, в соответствии с которой сферы эмоций и морали относятся к высоким духовным ценностям (*доброта, любовь, счастье, добро, зло, трудолюбие, меценатство*). В-третьих, ощущение высокого задано культурной традицией, в соответствии с которой творческий труд оценивается как высокое достижение «чистого» духа (*творчество, искусство, талант, творческая индивидуальность*). Обсуждение данных престижных понятий в обыденной речи приобретает особый характер в силу своей неординарности: с одной стороны, в качестве общих абстрактных слов они воспринимаются как нейтральные; с другой стороны — как пафосные, поэтому в контексте повседневности они могут приобретать окказионально высокую стилистическую окраску: — *Почему ты перешла на ТВ-6? — Для меня это был вопрос о честном слове, о долге, о добре и зле. Хотя понимаю, что звучит это банально. — Банально и пафосно. — Ужасно пафосно* (МК-Урал, 2001, авг.). Эксплицитно выраженная «боязнь» высоких слов, с одной стороны, ослабляет позиции высокого стилистического яруса; с другой стороны, оставляет за высоким стилем заповедную область разговора «о сущностях».

В разделе **Деривационный критерий** рассматриваются рефлексивы, комментирующие сложные в деривационном плане слова.

Формально-семантическая деривация проявляется в слове как его внутренняя форма, как признак, лежащий в основе наименования. Рефлексивные высказывания, интерпретируя слово с точки зрения мотивировочного признака, обычно представляют собой образцы так называемой ложной, наивной, народной этимологии: *Господин президент! Не обращаюсь к Вам с привычным словом «товарищ», так как история происхождения этого обращения уходит в давние времена, когда с этим словом обращались друг к другу воры: доставив награбленный товар к своим товаркам, они требовали за это ши, вот и получилось — товарищ, то есть товар — ши. Поэтому президента не хотелось бы называть «товарищем»* (Открытое письмо Д. Васильева президенту СССР М. С. Горбачеву, Память, 1991, янв.).

Данный факт оживления внутренней формы вызывает вопрос: зачем говорящему обращаться к диахроническому аспекту жизни слова, когда, с точки зрения синхронного функционирования, слово не нуждается в мотивировке, которая может помешать успешному коммуникативному акту, поскольку идеальный знак должен быть немотивированным. Мотивированные знаки всегда стремятся к утрате причинной связи между значением и формой, к условности связи, базируемой на традиции или общественной конвенции. Процесс оживления внутренней формы может рассматриваться как обязательный компонент языковой способности личности, дающий каждому говорящему синхронно-функциональное ощущение генезиса слова. Реализация этого процесса в условиях речевого акта может быть вызвана разными причинами: 1) при идентификации нового слова опорой на

внутреннюю форму слова облегчает запоминание и присвоение нового слова, окрашивая эту работу положительными эмоциональными переживаниями, которые сопутствуют процессу углубления в «тайны языка»; 2) при функционировании новой лексической единицы актуализация механизма внутренней формы знака устраняет возможное непонимание, а при функционировании узуального слова способствует упрочению системных связей между словами.

Актуализация того или иного производного значения слова в процессе порождения и понимания речи предполагает разграничение значений многозначного слова. Частотны рефлексивы, разграничивающие два близко связанных значения многозначного слова — прямое и переносное. Контекст не всегда дает возможность четко разграничить эти семемы, а метаязыковой комментарий уточняет или акцентирует тип значения слова: *По этому автографу город знал, на чьей стороне сила — в прямом смысле этого слова* (КП, 2001, нояб.); *Некурильщики добило отсутствие в помещении кондиционера и вентиляции В общем, тусовка получилась в прямом и переносном смысле жаркой* (Наша газета, 2000, авг.); *Он хочет, чтобы все человечество говорило на его языке. И не только в переносном смысле слова. Недавно Гейтс осчастливил человечество новым словом «Encarta World English Dictionary», объявив его «первым словом, родившимся в эпоху технологий»* (МК-Урал, 2000, нояб.).

Коммуникативный контроль может требовать обращения не только к семантическим, но и к коннотативным (шире — прагматическим) свойствам лексем. Для обыденного сознания все типы прагматической информации оказываются нерасчлененными и передаются одним видом метаязыкового комментирования («в хорошем смысле слова» или «в плохом смысле») в зависимости от типа оценочной информации. Осознание коннотативного компонента актуализируется тогда, когда у говорящего возникает потребность либо отстранить этот ореол, либо подчеркнуть прагматическую особенность лексемы. Появление данных метаоператоров в речи указывает на коммуникативное напряжение, обусловленное деривационным критерием сложности лексической единицы, обладающей прагматическими смыслами: *Наверное, я буду скучать по корреспондентской работе. С другой стороны, в хорошем смысле этого слова, набегался* (КП, 2001, сент.); *Надо делать жизнь хорошей, но не в бандитском смысле слова* (ОРТ, Мы и время, 31.01.00).

В разделе **Личностный критерий** проводится анализ коммуникативных рефлексивов, позволяющих выявить индивидуальное отношение говорящего к употребляемому слову. Выбор слова — одна из ключевых проблем говорящего, и в основе этой проблемы лежит выбор правильной стратегии поиска, который отражает принципы организации словаря в сознании человека: *Знаешь, вот Андрияша Миронов всю жизнь завидовал, нет, неправильное слово, не завидовал, а хотел дотянуться до уровня Табакова* (МК, 1999, апр.); *Тренер велоклуба сказал, указывая на своих подопечных: «Вот такая она, наша тусовка». Но очень быстро я понял: слово «тусовка» здесь не подходит. Они — не «тусовка», они — практически семья. Потому что никогда и ни в какой тусовке не может быть такого взаимопонимания, отсутствия барьеров между младшими и старшими*

(Наша семья, 1999, сент.).

Коммуникативные рефлексивы демонстрируют наличие парадигматических связей лексических единиц в языковом сознании говорящего. Парадигматические типы связей лексических единиц в составе рефлексива представлены прежде всего эквивалентными и синонимическими отношениями. В коммуникативных рефлексивах мы сталкиваемся либо с фактами разграничения равнозначных в языковой системе лексических единиц, либо отождествления в рамках одного контекста близких, но не тождественных слов.

Разграничение равнозначных единиц может быть связано с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым, социальным, территориальным и т. д. Например: *Народ... Я не люблю это слово, так как не понимаешь, что стоит за этим словом. Лучшие люди* (ОРТ, Времена, 24.12.00); *На вопрос, делаю ли я своей супруге романтические сюрпризы, ответил: «А вы знаете, что называть супругу супругой не очень романтично? Жена — это правильнее»* (АИФ, 2001, июнь).

Одним из проявлений синонимии в составе коммуникативного рефлексива, толкуемой в расширительном смысле, являются эвфемистические замены, определяемые нами как проявление контекстной коммуникативно-прагматической синонимии. Кроме обычного самоконтроля речевой деятельности говорящего, в данном типе рефлексивов подключается личностная социальная установка, жесткий социальный контроль речевой ситуации. Например: *А когда я начал работать как режиссер, то, конечно, многое не то чтобы позавидовал, а, как бы поделикатнее сказать, — воспринял из западного опыта* (МК-Урал, 2001, авг.); *Мы говорим убрать – убить звучит грубо* (ОРТ, Время, 18.11.98). С одной стороны, синонимизация лексем в данных контекстах позволяет говорящему объяснить намеренное снижение точности номинации, а с другой стороны, при комментировании эвфемизм «утрачивает свою камуфлирующую функцию» (Е.И.Шейгал).

Для носителя языка при поиске точного слова, определении близости лексических единиц недостаточно только совпадения семной структуры слов. Среди параметров, различающих и отождествляющих значения слов, важную роль выполняют признаки, с точки зрения говорящего, коммуникативно актуальные для текущей ситуации. Рефлексивы позволяют отразить диапазоны значений слова, которые представляют собой диалектическое единство общесистемного значения, приобретающего свою системную силу при многократно повторяющемся контексте в коммуникативной сфере, и индивидуального, личностного смысла, хранящегося в сознании говорящего. Рефлексивы, фиксирующие поиск и обсуждение точного слова, свидетельствуют о речевом напряжении, возникающем при корреляции структурно-системной организации лексики и многомерного устройства внутреннего лексикона говорящего.

Глава 3. **Концептуальные рефлексивы и социально-культурные доминанты** содержит аналитическое описание концептуальных рефлексивов. Структуру данной главы определяют критерии концептуального напряжения, которые мы объединили попарно, динамический – деривационный, ксеноразличительный (социальный) – личностный, поскольку в основе выделенных оппозиций лежат сходные когнитивные процессы.

Концептуальные рефлексивы позволяют лишь обозначить очаги концептуального напряжения, но не дают возможности полно охарактеризовать доминантные концепты переходного периода. Поэтому мы расширили рамки привлекаемого материала, используя, наряду с рефлексивами, контексты рефлексивного характера в виде аналитических высказываний, мнений, суждений, в которых объектом аналитического осмысления являлись анализируемые говорящим концепты. Результаты языковой рефлексии современного носителя языка часто представляют собой высказывания с имплицитным метаязыковым содержанием. К формальным признакам, позволяющим выделить подобные рефлексивы, содержащие интенции говорящего, направленные на осмысление и оценку современной русской действительности, относятся кавычки, особенности синтаксической организации высказываний, содержащих умозаключения обобщающего характера, расширение круга метаоператоров за счет синонимичных для обыденного восприятия единиц (наряду со «словом» – «термин», «понятие»).

В разделе **Динамический и деривационный критерии** содержится описание концептуальных рефлексивов, фиксирующих различные этапы формирования и развития концептов, которые могут вызывать напряжение; отмечено несколько зон когнитивного напряжения.

Зона ликвидации лакуарности связана с проблемой именованного концепта в языке. Метаязыковое комментирование в современной речи сопровождает слова, называющие реалии, до настоящего времени существовавшие лишь в понятии. Отмеченное словом обозначаемое становится фактом сознания, а сама лексическая единица – окончательным свидетельством включения явления в мир, полностью сформированным концептом (данные рефлексивы подтверждают возможность автономного существования концепта и являются одним из способов обнаружения невербализованных концептов): *Свою школьную страсть к фотографии он тренировал повсюду – на релетициях студенческих отрывков, дружеских попойках, на халтурах в городах и весях. Наверное, потому, что никто не знал слова «тапарации», никто и не прятался от его объектива* (МК-Урал, сент., 1999).

Слово должно заполнять те пустоты в словарном составе языка, которые обнаруживаются при концептуальном освоении мира. Вербализуются те компоненты концептосферы, которые обладают коммуникативной релевантностью в силу экстралингвистических причин. Так, активно вербализуются концепты, связанные с экономической и политической сферами общественной жизни. Возникшая необходимость языковой репрезентации многих экономических и политических невербализованных концептов в русском сознании связана с открытостью современного российского общества, с осознанием интернациональности процес-

сов и явлений, типичных для многих стран, в том числе и для России. Носители языка проводят своеобразный контрастивный анализ на уровне обыденного сознания, сравнивая наборы семантических признаков русского невербализованного концепта с набором семантических признаков эквивалентного вербализованного концепта другого языка. В результате такого сравнения русский концепт приобретает имя, чаще всего в виде иноязычной лексемы: *У меня была программа «Молодежный дискуссионный клуб», что-то вроде ток-шоу. Правда, мы тогда даже слова такого не знали, инстинктивно пытались что-то делать, приглашать людей, сглаживать мнения* (4 канал + все ТВ, апр., 2000); *А я был долго негром, работал на других. Я занимался по сути дела аранжировкой. Тогда не было этого слова* (ОРТ, Пока все дома, 17.03.02).

Невербализованной может оставаться та часть концептосферы, именование которой подлежит социальному контролю (сфера интимных отношений, государственные и военные секреты и т.п.). В связи с расшатыванием системы тематических табу метаязыковая деятельность современного говорящего позволяет выделить корпус рефлексивов, обсуждающих языковую объективацию концептов, связанных с данной табуированной сферой. Показателен, в частности, материал, который дает современный дискурс для анализа процессов именованья чеченских событий. Общим базовым именем данного концепта является устойчивое сочетание *чеченская война*. Концепт *война* обычно связывается в общественном сознании с вооруженной борьбой между государствами или народами, между классами внутри государства, с идеей насильственной смерти. Это понимание отражено в значениях соответствующей лексемы в словарях русского языка. Узловой точкой, задающей развертывание номинаций для чеченских событий, является прямая и эвфемистическая номинации происходящего: «война» и «антитеррористическая операция» (такова официальная номинация военных действий в Чечне). Номинация данного концепта имеет динамический характер. В самом начале военных действий в Чечне концепт получает эвфемистическую номинацию, которая способствует искаженной концептуализации денотата-события. Из денотативного ядра концепта вытесняется компонент «насильственная смерть», изменяется его статус вследствие перемещения на периферию концептуальной сферы, что позволяет редуцировать компонент «смерть». Семантическое наполнение ядра происходит с помощью компонентов несущественных, но имеющих коннотацию общественного одобрения: эвфемизм *антитеррористическая операция*, сохраняя семантический компонент «военные действия», включает семы «справедливость», «заслуженное наказание». В высказываниях-рефлексивах постепенно восстанавливается концептуальная справедливость: наряду с эвфемистическими номинациями начинает употребляться прямая номинация военных действий: *Москва ответила началом контртеррористической операции — такое название получила эта война в первые дни* (МК-Урал, 2000, авг.); *И только после страшных боев эту войну стали называть своим именем — вторая чеченская* (Там же); *А дома уже устали бояться и каждый день припадать к экрану телевизора, слушая сводки с поля боя необъявленной войны, которую правительство до сих пор продолжает стыдливо именовать антитеррористической операцией* (МК,

2001, № 6 (198), февр.). Специфична роль метаязыковых высказываний, комментирующих наличие эвфемистических номинаций у концепта. Если для эвфемизма характерна ассоциативная связь с денотатом опосредованно, через первичное наименование, известное обоим коммуникантам, то рефлексив выполняет роль опоры, которая устанавливает прямую и открытую связь косвенной номинации с первичной. Употребление в одном контексте кореферентных наименований служит средством привлечения внимания к негативным явлениям действительности.

Формирование новых концептов в русском языковом сознании – вторая зона концептуального напряжения, обусловленная стремительным пополнением многих тематических участков русской концептосферы.

Концептуальные рефлексивы позволяют уловить базовые моменты формирования нового концепта, зафиксировать вхождение в язык новой лексемы, не насыщенная концептуальным смыслом. Появление новой лексемы – сигнал к началу формирования вербализованного концепта. Процесс формирования нового концепта может идти и обратным путем. Сначала возникает новая реалья, которая позже приобретает свою номинацию: *11 марта 1985 года, на следующий день после кончины престарелого генсека Черненко, собрался внеочередной пленум ЦК КПСС. По предложению А. Громыко генеральным секретарем избран Михаил Сергеевич Горбачев. Ему — 54. Пройдена длинная карьерная лестница, увенчанная высшим государственным постом. Цель достигнута? Нет, все только начинается. Позже это «все» назовут перестройкой и демократическими реформами* (АИФ, 2001, авг.).

Если концепт важен и актуален для общественной жизни страны, его формирование происходит интенсивно, как это было с концептом *новые русские*. К сегодняшнему дню сформирован социальный стереотип *нового русского*, который имеет многоаспектный характер — от внешних атрибутов до характеристики отношений в семье, психологических особенностей, уровня богатства, стиля жизни, ценностных ориентиров и т. д. Усвоенность стереотипного представления подтверждается наличием большого количества анекдотов про новых русских. Концепт динамичен, он дополняется новыми признаками, обладает деривационным потенциалом.

При формировании новых концептов могут возникать оценочные компоненты, имеющие временный оперативный характер, обусловленный экстралингвистическими причинами. Фиксация этой коннотации позволяет составить представление об общем социально-психологическом фоне времени. Так, рефлексивы, сопровождающие процесс усвоения массовым сознанием терминологической единицы *деноминация*, зафиксировали пейоративный коннотативный ореол нового концепта, который формируется на основе предыдущего неудачного опыта денежных преобразований в стране. Ключевыми словами являются лексемы «опасность» и «страх»: *Страшное слово «деноминация»* (МК, 1997, 5 авг.); *Несколько зловещий оттенок начинает принимать словечко «деноминация», а также странная фраза Чубайса о том, что вклады граждан 1913—1920 гг. рождения будут компенсированы 1 : 1000* (МК-Урал, 1997, дек.). Накопленный опыт современности сохранится в структуре концепта *деноминация*, но из актуального (ак-

тивного) слоя концепта перейдет в дополнительный (пассивный) в виде эмоционально-мифологического наследия, как культурная память о психологическом состоянии российского общества, испытывавшего в постперестроечный период страх перед экономическими катастрофами и находившегося в состоянии тревожного ожидания возможных негативных событий.

Актуализация сложившихся концептов – третья зона концептуального напряжения, связанная с наполнением новым содержанием концептов, существующих в русском общественном сознании. Новое содержание представляет собой фрагменты когнитивной парадигмы постсоветской действительности. Динамические процессы, происходящие в структуре актуализированных концептов, аналогичны семантическим процессам, происходящим в русской лексике, к которым относятся семантическая деривация, семантическая модификация, реструктуризация смысловой структуры слова, стихийный дрейф семантики слова (И.А.Стернин), ресемантизация, или деидеологизация слова (О.П.Ермакова, Н.А.Купина, Г.Н.Скляревская). Концептуальные рефлексивы позволяют выделить эти участки напряжения, поскольку объективируют тот слой концепта, который вербализируется языковым сознанием.

Смысловая деривация – процесс появления новых базовых слоев в структуре концепта. В работе проведен анализ метаязыковых высказываний, фиксирующих появление нового значения лексемы *семья*, вербально репрезентирующей соответствующий концепт: *Слово «семья» становится политическим термином в нашей столице* (НТВ, Сегодня, 27.08.99); *Слово «семья» в политическом лексиконе — в большой моде* (МК-Урал, 1999, окт.); *С недавнего времени в нашем лексиконе появилось новое слово — «Семья». Именно так, с большой буквы — Семья. О «семейных» делах написано уже немало. О похождениях членов ее — тем более. Заграничные вклады, кредитные карты, виллы за рубежом...* (Там же, 1999, дек.).

Смысловая модификация – это процесс перестройки набора признаков в составе когнитивного слоя. Подобную модификацию претерпела семантическая структура лексемы *олигарх* как языковой репрезентации соответствующего концепта: *Банкиры, в переводе — олигархи, выглядят, как подсудимые* (Завтра, 1998, дек.); *Не нравится ему это слово греческого происхождения. И дело не в том, что для попадания в олигархи надо преодолеть определенный имущественный ценз (олигарх — дословно богач). Скорее всего Козицыну не по нраву негативный оттенок, который вкладывается в это понятие* (МК-Урал, 2000, июль).

Смысловая модификация произошла и с концептом *реформа*. В современной трактовке концепт приобретает признак «интенсивного изменения» — глубоких, коренных преобразований, требующих иногда конституционного оформления. Рефлексивы позволяют выявить смысловое изменение: *На Государственном совете специально отказались от слова «реформа», чтобы у общественности не сформировалось ощущение, что все будет сломано* (АИФ, 2001, март); *...Если те не из числа новых устроителей светлого будущего, тех, кто рушил*

СССР, тех, кто грабил каждого из нас, прикрываясь словом «реформа»... (Отечество, 2000, авг.); *Если бы реформа здоровья имело место столетие спустя, то слово «реформа» верно было бы заменено словом «революция»* (Здоровье, 1998, окт.).

Реструктуризация смысловой структуры концепта представляет собой процесс изменений в концептуальной структуре, связанных с актуализацией или редукцией ряда когнитивных слоев, перемещением признаков из ядра на периферию и наоборот. Реструктуризация напрямую связана с социальной жизнью общества: актуализация или редукция той или иной части концепта объясняется общественными потребностями. Иногда дополнительные, не всегда существенные признаки понятия начинают выполнять весьма важные функции и служат ориентирами для человека в содержательном осмыслении концепта. Примерами реструктуризации смысла являются концепты *рынок, очередь*: *Сейчас мы используем слово «рынок» в новом значении, связывая его со словом «экономика», говорим о рыночной экономике* (Наша газета, 2000, фев.); *Они уже не боятся слова «рынок», не считают ругательным слово «банкротство» и не спорят о том, какой должна быть собственность* (АИФ, 2001, сент.); *Я так счастлива, что сейчас нет такого слова, как очередь* (А. Маринина, АСВ, День за днем, 28.08.01). Реструктуризации смысла подвергаются концепты, отражающие реалии советской жизни. Лексемы, номинирующие данные концепты, остаются в языке, а те компоненты смысла, которые остаются невостребованными и перестают пропускаться через сознание носителей языка, постепенно уходят в пассивный слой.

Стихийный смысловой дрейф – процесс, связанный с эволюцией концептуального смысла в обыденном сознании, со смысловым размыванием. Обычно подобный дрейф наблюдается при активизации абстрактных концептов: в массовом сознании существует «когнитивный вакуум» в отношении этих понятий и возникает острая необходимость усвоить эти представления. При этом исходное прототипическое значение не исчезает, но либо уходит в пассивный слой, либо становится неопределенным.

Например, концепт *демократия* для российского общества является абстракцией, заимствованной из чужого опыта. Смысловая размытость концепта показывает амбивалентность постсоветского обыденного сознания, находящегося в процессе перехода от тоталитарной эпохи к демократической. Решающими для эволюции смысла концепта *демократия* оказались ментальные стереотипы русского самосознания, сочетающие в себе противоречивые черты свободолюбия и покорности, подданничества и гражданственности, отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре, для которой личные свободы и демократические права не являются главными. Рефлективы представляют собой попытку выявления причин смысловой динамики, смысловых наращений, амбивалентности смысла: *Сейчас слово «демократия» столь же модное, часто повторяемое, как раньше — «перестройка»; но русские люди употребляют слово «демократия» как равностойное понятия «свобода»; Хоть сто раз повторяй слово «демократия», а в стране, как и прежде, сильны авторитарные традиции; Некоторые не любят слово «демократия», для них за ней скрываются*

вседозволенность, коррупция — как они понимают демократию, толкуют ее в извращенном виде. Так что для начала мы выяснили весьма любопытную деталь: *произносится слово «демократия», мы принципиально не можем знать, говорим мы о Добре или о Зле; Дело в том, что слово «демократия» является, по жадуй, наиболее мощным орудием в арсенале демагога любой политической ориентации и любого окраса* (Электронные СМИ) и т.д.

Деидеологизация, или ресемантизация смысловой структуры концепта (трансформация концептов-идеологем) — это преобразование смысловой структуры, связанное с идеологической переориентацией концептов политической и экономической сфер. Мена аксиологических оценок в смысловой структуре идеологических концептов может быть представлена в виде оценочной нейтрализации, поляризации или оценочного размывания (Н.А.Купина), т. е. концептуальная деидеологизация протекает в русле проанализированных выше смысловых динамических процессов. Целесообразность выделения этого типа преобразований в качестве самостоятельного (в одном ряду с другими) определяется спецификой смысловой структуры идеологических концептов. Идеологическое отражение действительности на уровне концептуального знака проявляется в наличии прагматического компонента, оценочного по своей внутренней природе, входящего в систему ценностных установок, задающих образ должного или желаемого, формируемого под влиянием господствующих властных и идеологических институтов.

Обновление концептосферы русской языковой личности тесно связано с мировоззренческими изменениями. Рефлексивы, фиксирующие ментальную трансформацию на уровне мировоззренческих установок, обусловлены в большей степени деривационным критерием концептуального напряжения, реагирующим на сложность происходящих мутаций сущностного ядра массового сознания — системы ценностных ориентаций.

Концептуальное напряжение, возникающее при преобразовании идеологических концептов, поднимает проблему фундаментальных/эфемерных перемен мировоззрения, настолько многослойны, неоднозначны метаязыковые показатели переходного, нестабильного состояния обыденного человеческого сознания. Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента: *Конкуренция — слово здоровое* (ОРТ, Час пик, 26.05.98); *Ой, ну я ненавижу это слово — конкуренция* (МК-Урал, 1999, дек.); *У нас аллергия на слово «социализм»* (КП, май, 01); *Коммунизм — слово нестрашное, сказал А. Брежнев, вжук Леонида Ильича* (Новости, 4 канал, 14.01.99); *Мы произносим слово «капитализм» часто с таким же вдохновением, с каким раньше произносили «коммунизм». Но сами по себе слова «капитализм» или «рынок» меня не обольщают* (АИФ, 2001, сент.).

Трансформация концептов-идеологем имеет специфический характер. Поскольку идеологическая оценочная модальность присутствует в прототипическом слое концептов, постольку попытка вернуть концепту истинный смысл «заставляет» сознание кардинально менять систему ценностных ориентаций, которая в силу своей стабильности не может быть гибкой. То, что было для человека соци-

ально чуждым, а потому опасным, не может быть принято языковой личностью без серьезных усилий. Современная речевая реальность регистрирует попытки перестройки сознания, показывая отторжение любой идеологической оценочности, истощенность смысловой базы идеологом, которая возникает ввиду противоположно направленных оценочных смыслов, погашающих друг друга: *Примечательно, что все недобрые слова в политологии заканчиваются одинаково. Когда-то основоположник ленинизма пугал пролетариат империализмом и зывал в социализм. Его преемник Сталин громил фашизм, но в своей стране построил нечто подобное, позднее названное тоталитаризмом. Следующий генсек — Хрущев готов был снять с себя последний ботинок, чтобы убедить человечество в скором построении в СССР коммунизма. В 80-е мы начали с плюрализма, а кончили бандитизмом.. Всякий раз увлечение «измами» напоминало, простите за каламбур, онанизм — в смысле полезного результата* (АИФ, 1997, окт.).

При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления культурной семантики. Когнитивной мотивировкой этого процесса является стремление носителя языка объяснить наблюдаемые социальные и культурные явления экстралингвистической сферы. Обыденное освоение концептов опирается на житейский опыт, повседневную практику и потому не имеет системного характера. Рефлексивы точечно, штрихами обозначают актуальные зоны концептуального напряжения, позволяют увидеть то, что важно для концептуального осмысления действительности и что доступно обыденному сознанию, и тем самым подтверждают достоверность теоретического систематизированного сознания. При этом сами рефлексивы являются суждениями, формирующими концепт. Обсуждая слово в различных аспектах, рефлексив добавляет новые знания либо закрепляет смысловые изменения, вербализует то, что усваивается другими невербализованно. Формируемый запас смыслов в ходе коллективной интеллектуальной деятельности субъектов и представляет совокупный социальный и психологический опыт людей в период перемен.

При анализе концептуальных рефлексивов наблюдается достаточно полная корреляция динамического критерия концептуального напряжения с динамическим критерием коммуникативного, поскольку обсуждение ментальной реальности новых концептуальных смыслов не может быть строго отграничено от речевого употребления новых лексических единиц. Метаязыковые высказывания по поводу новой единицы часто можно интерпретировать как рассуждения о том, какой концептуальный смысл скрывается за данной лексемой, или как мнения, касающиеся понимания и точного употребления нового слова. Языковые и когнитивные знания в данном случае накладываются друг на друга, представляя собой результат единого когнитивно-коммуникативного процесса использования языка.

В разделе **Ксеноразличительный (социальный) и личностный критерии. Идентификация современного российского общества** содержится анализ концептуальных рефлексивов, появление которых обусловлено концептуальным напряжением, основанным на необходимости идентификации личности в новых социальных условиях, характеризующихся исчезновением стержневой, собирательной категории «советский человек».

В современной ситуации всеобщего и вынужденного приспособления бывшего советского человека к изменившейся среде существования можно выделить два наиболее крупных идентификационных процесса, в рамках которых происходит взаимодействие различных типов социокультурного менталитета: идейно-политическая и национально-государственная идентификация.

Идейно-политическая идентификация современного российского общества в метаязыковом отображении представлена социально-ценностными высказываниями носителей языка, демонстрирующими их мировоззренческую неоднородность.

Первая сложившаяся дихотомия современного общества – социально-идеологическое расслоение общества, которое в первом приближении двухчленно: 1) часть общества, признающая господствующие ценности государственной системы (относит себя к демократической); 2) часть общества, критически относящаяся к господствующим ценностям (так называемые оппозиции, имеющие свою оппозиционную прессу, теле-, радиотрибуну).

Социальная неоднородность современного общества проявилась в существовании двух противоположных по мировоззренческим установкам форм письменной публичной речи — демократической и оппозиционной печати (для анализа использованы оппозиционные газеты: «Русский порядок», «Русь державная», «Русский вестник», «Русский Востокъ», «Завтра», «Русь православная», «Русский пульс», «Черная сотня», «Возрождение России», «Наше Отечество», «Русский собор», «Память», «Околица», «День», «Воля России», «Истоки», «Россы», «Колокол», «Казачьи ведомости», «Россиянин», «Накануне»).

Переломная эпоха обостряет оценочную деятельность оппозиционно настроенной части общества, которая подвергает жесткой критике лексико-фразеологические доминанты нового времени и не включается в процесс усвоения новых стереотипов. Представители оппозиции не заинтересованы в понимании сущности нового концепта, они отвергают новое как чужое, присваивая соответствующему явлению негативную оценку. Отсутствует динамика познания объекта, поскольку объект является чужим, и оценка его как чужого лежит в области усиления, углубления его отрицательной характеристики. При несовпадении мировоззренческих установок возникает когнитивный диссонанс. В первую очередь оппонентами по-разному понимается политическая и экономическая лексика, обозначающая идеологически маркированные концепты, которая формирует разные тезаурусы у носителей языка.

Для современного оппозиционного мышления характерно общее неприятие радикальных изменений: *Мы по-прежнему «строим» — не зря, видимо, родился термин «прорабы перестройки»: построили «социализм» — не понравился, не*

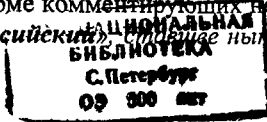
рестраиваем его в «капитализм». С такой же бессознательностью строим «капитализм» — самый дикий и «самый капиталистический», какого нет и быть не может ни в одной из мало-мальски цивилизованных стран, хотя на них неустанно ссылаемся (Русь державная, 1997, № 11—12).

Ключевые экономические концепты получают только негативную характеристику: Звучным словом «приватизация» прикрыто уничтожение государственной собственности (Отечество, 1992, авг.); И в наше сознание денно и нощно вбивают это скользкое слово — инвестиция. Это его термин, его идея — открытое общество. Открытое прежде всего для Сороса, его мессы. Открываемое, взламываемое им с помощью золотого тельца (Завтра, 1997, май).

Национально-государственная идентификация современного российского общества в метаязыковом отображении обусловлена изменением национально-государственных рамок идентификации: русское вытесняет советское. Стихийное переосмысление роли «национального фактора», этнонациональная напряженность связаны с распадом СССР, национальными конфликтами на границах новой России и в ее пределах, интенсивной миграцией населения из стран СНГ и национальных республик Российской Федерации в Центр. Если в спокойной общественной ситуации «этническое самосознание чаще всего не актуализировано, “размыто”» (Л.М.Дробижева), то в «смутные времена» роль этничности возрастает. Она выполняет защитную функцию, являясь своеобразной реакцией на нестабильность общества, наиболее древней и устойчивой формой информационного структурирования мира.

Метаязыковые высказывания помогают проследить динамику самоутверждения «русскости», гипертрофию функций национальной идентичности. Ключевым концептом, имеющим самый большой набор рефлексивных высказываний, является концепт *русский*. В рефлексивах прослеживается отставание, утверждение категории «своего» и неприятие «чужого». Оценочные контексты носят обычно тревожный характер, подчеркивают опасность сегодняшней жизни для русского человека: *Опасное слово по нынешним временам — «русский»*. В стане демократов слова «русский патриот» запрещенные, ненавистные, чуть ли не нецензурные (Воля России, 1991, № 6); *Кто это мы? Скорее всего мы — это труднопроизносимое слово «русские»*. Неужели русские обречены надевать маску вечных интернационалистов, прятать свое национальное лицо за безликое «мы» (Там же); *Нависла угроза новой «культурной революции», ставящей главной целью духовное уничтожение страны, вытравливание самих понятий «русское», «русский народ», «русская культурно-историческая традиция»* (Русский вестник, 1993, № 17).

Центральным вопросом российского национального самосознания становится вопрос о совмещении гражданской и этнической идентичности. Большинство россиян чувствует себя прежде всего «русскими людьми», а потом уже «гражданами России». Это ощущение двойственности, ощущение ложной подмены выражается в рефлексивах, в протестной форме комментирующих новый концепт россиянин: *Разрешено только слово «российский»*

мом слова «советский», т. е. интернациональный. И люди какие-то русскоязычные появились, а не русские (Наше Отечество, 1993, нояб.); И власти и их «демократические» средства массовой информации преднамеренно и упорно избегают употреблять слова «русские», «русский народ». Пущено в ход слово «россияне». Звучит оно фальшиво и оскорбительно. Все это само по себе имеет свойство деградировать нацию (Русский вестник, 1992, № 49—52); Свободное слово «русский» против фальшивого подлого слова «россиянин» (Там же).

Разрушение концепта «советский человек», определявшего образ жизни и стиль поведения гражданина СССР, привело к кризису социальной идентичности на уровне самосознания. Обобщающая категория «россиянин», которая призвана детерминировать социальную идентичность граждан в рамках нового суперэтноса, не выполняет пока свою функцию, так как не обладает смысловой насыщенностью прежних форм социальной идентификации и поэтому не способствует адекватной адаптации человека в изменяющейся социальной реальности. Временные указатели (*в последние годы, ныне, нынче*) и предикативная часть (*появилось, пущено в ход, стало в моде, распространяется*) рефлексивов указывают на динамику формирования концепта. Оценочная часть отражает неприятие нового концепта как ложной подмены (*режет слух, таинственное, какое-то фальшивое, оскорбительное, подлое*).

Концептуальное напряжение вызывает новое осмысление концептов *Родина, Отечество, Отчизна*.

В сложной природе многоплановых идентификаций на первый план выступает проблема описания, осознания «себя» и «других» как носителей этнонациональной общности, имеющих общий национальный характер. Этнические стереотипы, характеризующие русский этнос, россиян и Россию, рассматриваются как автостереотипы. Автостереотипы-образы редко присутствуют в виде рефлексивов-высказываний по поводу слова. Форма подачи автостереотипов — чаще всего развернутые аналитические статьи или интервью с известными представителями русской интеллигенции, в которых содержится оценка «русскости». Выделяются две противоположные тенденции, наметившиеся в *этническом автопортрете*. С одной стороны, «этнический плебеизм», «этнонигилизм», выражающиеся в своеобразном охаивании собственной этничности при отсутствии национальных успехов: *Странное название — Россия/Будто не было другого слова.../Это ж надо было так красиво /Называть страну, где так хреново!* (С. Гальперин, МК-Урал, 2001, февр.).

С другой стороны, намечается тенденция самоутверждения «русскости» как некой спасительной гавани после периода замешательства и кризиса идентификации. Обыденное сознание находится в поисках положительных черт в русском национальном характере. Травматический опыт прошлого трансформируется в парадоксальную форму национальной гордости своим терпением/страданием. Рефлексивные высказывания документируют положительные чувства по отношению к русскому человеку: *Молодые русские люди — у них неукротимая энергия, они веселы, активны, не меркантильны, им хорошо вместе. Они свободны от наследства «проклятого советского прошлого», как кто-то сказал: первое*

непоротое поколение. Это те, кто реально может что-то сделать, кого можно научать и кто может научиться (Огонек, 1994, дек).

В разделе показано, как рефлексия обыденного сознания способствует развитию мифологемы русской духовности, легенды об особом миролюбии русских, постоянно оказывающихся жертвой агрессии со стороны других. Подобное, по Л. Гудкову, сознание (комплекс) жертвы возникает как реакция на разорванную коллективную идентичность, входящую в комплекс национально-государственной идентификации. Усиление, активизация национального комплекса приводит общество к инкарнации образа врага, который как один из атрибутов политической мифологии активно используется для национального самоопределения, чтобы носителем вины непременно оказывался кто-то чужой.

Образы врагов. Метаязыковой дискурс современной России при всей пестроте политического лика позволяет выделить внешних и внутренних врагов россиян.

Оппозиционно настроенная часть российского общества, кроме внешних врагов, общих для всех, выделяет врагов внутренних — тех, кто повинен в бедствиях и страданиях русского народа, в распаде СССР, в обнищании России (*власть, Горбачев, Ельцин, мафия, олигархи, демократы* и др.). В данном случае срабатывает психологический механизм потерпевших поражение — парадокс приписывания вины окружению.

Если обратиться к нерасчлененному на политические сферы рефлексивному дискурсу, то четко прослеживается формирование антикавказской ксенофобии, с которой может соперничать лишь тревожное отношение ко всякого рода фашистским проявлениям внутри страны: *В народе нет более ругательного слова, чем «фашист»; В сегодняшней жизни страшное слово «фашист» воспринимается адекватно к самой сути, с неизменным тошнотворным запахом крови* (Электронные СМИ). На передний план в метаязыковом дискурсе выдвигается антикавказский синдром. Бытовой антисемитизм оттесняется на периферию. В массовом сознании существует этнический стереотип, согласно которому именно иногородцы заметно влияют на криминогенную обстановку.

Военные действия в Чечне породили фобию к чеченцам, которая относится не столько к народу, сколько к воюющей стороне. Восприятие чеченских боевиков в контексте международного терроризма активизировало рефлексивы с номинацией *террорист: Сепаратистов в Чечне погибли десятки тысяч, а в глазах многих россиян слово «чеченец» стало синонимом слов «террорист» и «преступник»* (Электронные СМИ).

Метаязыковой материал дает возможность проследить, как политико-экономический кризис в России вылился в привычную форму неприязни к Западу. Отношение россиян к Западу включает не только актуальный опыт. Это культурный феномен, в основе которого лежат исторически сложившиеся архетипы национального сознания. Отношение российского общества к Западу амбивалентно. С одной стороны, Запад выступает союзником, партнером, носителем определенных ценностей, культурных норм, источником новых стандартов. С другой стороны, Запад воспринимается как враг, угрожающий независимости России

(одной из наиболее популярных фобий массового сознания является страх перед засильем иностранного капитала, ведущего к разграблению богатств России). В рефлексивах Запад идентифицируется с Америкой. Противоречивость отношения к Америке проявляется в типичных контекстах: *заветное слово «Америка»; ласкающий наш слух слово «Америка»; звучное, легкокрылое слово «Америка»; сладкое слово «Америка»; волшебные слова «Америка» и «Соединенные Штаты»*. Ср.: *меня бесит от слова «Америка»; при слове «Америка» они просто жаждут схватиться за пистолет; я слово «Америка» произносил и произношу без романтического придыхания; каждый раз, когда я слышу слово «Америка», волосы у меня на затылке встают дыбом и я готов драться* (Электронные СМИ).

Отношение к Западу в современных условиях носит динамический характер. Выделение только бинарной оппозиции западников — антизападников представляется грубым инструментом, не позволяющим выразить разнообразную палитру взглядов россиян. Метаязыковой материал показывает: общественное мнение дифференцированное.

Личностная идентификация современного российского человека связана с возрастанием значимости конкретных, индивидуальных идентификаций в современной России, с общей тенденцией изменения ценностей от коллективизма к индивидуализму.

Внутренняя психологическая и когнитивная работа, связанная с преодолением «обезличения», присущего советской системе, заставляет решать проблему поиска адекватной самоидентификации. Социальная и индивидуальная идентичность тесно связаны между собой. Каждый человек периодически оказывается перед проблемой: включиться в новую социальную ситуацию и при этом “не потерять” себя. Возможен и другой вариант: осознать и изменить свое Я под влиянием новых социальных, экономических, нравственных реалий.

Две ипостаси самоконцепции ярко проявляются в современной русской речи. Возможность артикуляции личностного осознания социальных категорий — это черта современного языкового существования. Продуктивное производство рефлексивов с вербально выраженными полярными мнениями и оценкой [я люблю (мне нравится) это слово — я не люблю (мне не нравится) это слово, термин, понятие] подтверждает наличие оздоровительных процессов, происходящих в современном российском сознании. Индивидуальность осознания содержания концепта особенно ярко проявляется 1) при личной интерпретации ключевых, культурно значимых концептов, обладающих абстрактной семантикой, 2) при освоении новых смыслов концептов, актуализированных в новой социальной реальности. Именно на этих участках когнитивной деятельности проявляет себя личностный критерий концептуального напряжения.

Первая группа концептуальных рефлексивов отражает личный смысл обобщенных концептов.

В переломные периоды истории человек всегда обращается к осмыслению понятий, имеющих вневременной характер: *смысл жизни, счастье, любовь, ус-*

пех, слава, судьба, доброта, справедливость, терпимость, совесть, душа, милосердие, жизнь и др. (таков перечень самых обсуждаемых концептов по данным нашего корпуса метаязыковых высказываний). Специфика абстрактного концепта такова, что он позволяет на уровне индивидуального осмысления содержания конкретизировать отвлеченные когнитивные признаки в виде интерпретационного поля утверждений, вытекающих из менталитета конкретной личности. Эта интерпретативная часть наполняет более конкретным смыслом абстрактную идею. Находясь на периферии концептуального содержания, интерпретационное поле абстрактного концепта, содержащее результаты умозаключений различных людей, создает наполнение конкретикой отвлеченной идеи. Эта периферийная часть становится в определенные моменты актуализированно базовой. Периферия концептуального поля, интерпретационная часть – материал для размышления, для развития абстрактного концепта. Например, интерпретационная часть концепта «счастье», представленная в виде ответных рефлексивных высказываний, полученных на вопрос «Что такое для вас слово *счастье*?» может быть распределена на несколько смысловых зон:

1. Осознание возрастного понимания счастья: *Помните, Пушкин сказал: «Нет счастья, есть покой и воля». Я вас разочаровала? Понимание спокойствия приходит позже, конечно, — в молодости хочется страстей безумных... А счастливым можно быть в любое время. У Ахматовой есть такие строки: «Я научилась просто жить...» Я тоже научилась. Для меня слово «счастье» — когда удастся что-то открыть, украсить душу чем-то добрым, победить свои грехи и свою самость* (МК-Урал, 2002, июнь);

2. Суждения о национальном характере концепта: *Слово «счастье» — опасное слово. Помню свои беседы с Тарковским в Америке. Мы говорили о том, что слово «счастье» в разных языках имеет разное значение. Например, у воздушной компании «Олимпик» есть лозунг «Все здесь счастливы». Андрей спросил: «Как можно говорить, что счастлива вдова, летящая этим самолетом: счастье по-английски значит, что кофе хороший, кресло удобно и температура приятна... Оно слишком связано с рекламой. Для славянина счастье — эйфория, или покой, или только надежда, тогда и страдая можно быть счастливым человеком* (АИФ, 2000, авг.).

3. Привязка счастья (чувства полного удовлетворения) к индивидуальным конкретным ценностям: *Я счастлива, ведь я умею любить...* (Там же, 2002, апр.); *Счастье — это моменты, связанные с моим мужем, матерью, дочерью, моими внуками... Людьми, которых я люблю и которые мне платят тем же* (АИФ, 2002, май); *Счастье — это когда здоровы родные и наша семья в полном порядке* (Телемир, 2002, окт.).

Изменение своего «я» под влиянием социальных условий — еще один важный аспект самоидентификации российского гражданина в современных условиях. Изменение ценностных установок общества происходит прежде всего на уровне изменения ценностной картины мира индивида.

Таковы изменения в русском языковом сознании по отношению к концепту «богатство» и его материальному эквиваленту — концепту «деньги». Амбива-

лентное отношение к названным концептам в современном российском сознании свидетельствует о личностном осознании актуализированных понятий: *При слове «деньги» большинство людей испытывают двойственные чувства; сладкое слово «деньги»; я ненавижу слово «деньги»; слово «богатство» происходит от слова «бог», истинно духовный человек гармонично проявляется во всех аспектах бытия; теперь слово «богатство» можно понимать не только в переносном смысле; емкое слово «богатство»; печальное слово «богатство»* (Электронные СМИ).

Сложившиеся архетипы национального отношения к богатству закрепились в советской действительности. Анализ результатов массовых ассоциативных экспериментов показал, что современных русских характеризует так называемое «неэкономическое мышление» (Н.В.Уфимцева). Ассоциативное поле стимула *деньги* показывает, что *деньги* — *зло, грязь, дрянь, мусор*, с одной стороны, и *золото, счастье, жизнь, власть и свобода, радость*, с другой.

Современная российская действительность, повернувшись к миру западных ценностей, потребовала существенной перестройки прагматических компонентов анализируемых концептов. В условиях перестройки мировоззренческих ценностей особенно значимым становится мнение человека с высоким личностным статусом, обычно хорошего профессионала. Доминирующей тенденцией остаются ориентации на личностный статус в выборе референтных личностей. Поэтому в процессе ориентации в новых социальных условиях мы прислушиваемся к мнению авторитетных людей. Это, во-первых, тип *активных личностей*, логично мыслящих, обладающих высоким интеллектуальным статусом, с постоянным стремлением адаптироваться к изменениям в обществе. Во-вторых, — это *ригористы*, которые видят кризис современного общества в утрате духовно-нравственных начал и ратуют за возвращение к традиционным духовным и моральным ценностям. В-третьих, — это *материалисты*, главная цель которых выжить с помощью государства и системы социального обеспечения. Каждый социокультурный тип дает личностную интерпретацию анализируемым концептам. Материалисты и ригористы стремятся к сохранению узואльно сложившегося смысла концептов.

Переоценка концептов в сознании «активистов», людей «с базовым доверием к миру», носит направленный характер: происходит актуализация признаков, не свойственных национальному мировосприятию: гедонистическое отношение к обеспеченной жизни: *Слово «деньги» дает почувствовать вкус к той жизни, которую могут обеспечить вам, и вы уже никогда не будете способны вернуться на ее нижние ступени* (П. Дашкова, АИФ, 2001, окт.); редукция идеологического компонента в структуре концепта: *Деньги в сознании русского человека — это зло, но при этом зло возжеленное; сознавая, что мы возжелаем дурного, мы стыдимся, убеждаем себя и других, что вовсе мы этих денег не хотим, что это просто так, деваться некуда, а так-то мы ни-ни. Очевидно, что это нездорово. Ведь деньги сами по себе не плохи и не хороши, они всего лишь общее мерило*. (Т. Толстая, АИФ, 2002, янв.); формирование достижительных мотиваций делового успеха и полезных дел: *Я наконец-то разобралась с этим понятием —*

«деньги». Как ни тухло это звучит, деньги — эквивалент товаров и услуг. К ним никогда нельзя относиться серьезно. Я нашла им правильное применение — вкладываю их в новые работы (Земфира, Телемир, 2002, апр.); синоним счастья: Слово «деньги» — синоним счастья. Я не верю в счастье без денег. Для каждого возраста есть разная потребность в деньгах (Т. Полякова, НТВ, Принцип домино, 6.10.02).

Деньги в рефлексивных высказываниях активных личностей воспринимаются как эквивалент духовных ценностей; здоровья: *Деньги — это здоровье;* свободы, уверенности: *Деньги — это большие возможности. Деньги — это свобода;* таланта: *Почему первая книга рассказов о деньгах и русских предпринимателях называется «Талан»? Это старинное слово тюркского происхождения, означающее «удачу, судьбу, барыш, прибыль», мало кому известно в наши дни и мало кем употребляется правильно. В дореволюционной литературе слово «бесталаный» означало «невезучий», в XX веке стало употребляться как синоним слова «неталантливый». Между тем «талант», то есть «одаренность», происходит от греческого слова, обозначающего меру веса (видимо, серебра), то есть деньги. Можно сказать, что талант — это капитал, а талан — доход, талант — основа, а талан — счастливое везение. Зарыв талант, не получишь талана (Т. Толстая, АИФ, 2002, янв.).*

Личностное интерпретационное поле концептов *богатство* и *деньги* динамично. Столкновение противоречивых тенденций в рамках одного концепта, нарушение общепринятых табу на значимость богатства и денег в структуре национальных ценностей влияет на нравственный климат общества. Сложившаяся ситуация побуждает «активистов» выработать комплекс идей, уравнивающих аксиологические веса. В структуру концепта вводятся положительные ценностные категории, сформированные западным типом экономического мышления. В мировоззрении индивида устанавливается иерархия личностных ценностей, в которой богатство не всегда занимает высшую ступеньку. Приоритетными ценностями установками считаются любимое дело, работа, успех.

Инновационная деятельность современного российского общества сопровождается интеллектуальной поддержкой либеральной части общества, выраженной в стремлении личностного осмысления актуальных для новейшего времени концептов, которое получает свою вербализацию в виде аналитических суждений, составляющих интерпретационное поле концепта. Рефлексивы при этом чаще всего задают тему, которая получает логическое развитие, дальнейшую конкретизацию, ассоциативно связывается с жизненным опытом индивида, т.е. провоцируют создание интерпретационной части концепта, являются отправной точкой для формирования новых когнитивных слоев.

Концептуальные рефлексивы в современной речи выступают как чуткие индикаторы социальных процессов, происходящих в современной России. Анализ рефлексивов позволил выявить динамику адаптационных шагов, связанных с ломкой устоявшихся стереотипов, переоценкой соотношения групповых (классовых) и общечеловеческих ценностей.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

1. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. 380 с.
2. Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания // Известия РАН СЛЯ. 2002, № 6. С.12–21.
3. Разговорная норма: в поисках новых критериев (Глава в коллект. монографии) // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 136–153.
4. Рефлективы и их функционально-системная организация (Глава в коллект. монографии) // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 194–203.
5. Рефлексия как аксиоматическая основа формирования стилистической нормы (Глава в коллект. монографии) // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С.42-57.
6. Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности (Глава в коллект. монографии) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Под ред. Н. А. Купиной и М. Б. Хомякова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 155–167.
7. Лексико-семантические группы русских глаголов. Учебный словарь-справочник. / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 152 с. (Соавт.: Э. В. Кузнецова и др.).
8. Живая речь уральского города. Тексты / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с. (Соавт.: И.Н.Борисова, О.П.Жданова и др.).
9. Русский язык и культура речи. Учеб. пособие для студентов экономическ. и юридич. ф-тов / Урал. ун-т экономики и права. Екатеринбург, 1995. 52 с.
10. Практический русский язык. Учеб.пособие / Урал. гуманитар.ин-т. Екатеринбург, 1997. 103 с.
11. Русский язык и культура речи. Учеб. пособие / Урал. ин-т управления, экономики и права. Екатеринбург, 2001. 85 с. (Соавт.: О.А.Михайлова, Ю.Н.Михайлова).
12. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде: Памяти Э. В. Кузнецовой. Сб. науч.статей / Под ред. И. Т. Вепревой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 88–96.
13. Экономическая лексика в языковой рефлексии посттоталитарного общества // Slowo. Tekst. Czas. Szczecin, 1996. С.292–295.
14. Коммуникативная нагруженность диминутивов в разговорной речи // Явление вариативности в языке. Сб. науч.статей. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 36– 44 (Соавт.: с Е.В.Шаповал).

15. Судьба слова в метаязыковом отражении // Вестник Омского университета. Вып.2, 2000. С.95–99.
16. Метаязыковое комментирование в тексте: средства выражения оценки // Человек – коммуникация – текст. Вып.3. Сб. науч.статей. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 1999. С.65–78.
17. Языковая игра на политическом поле // Язык. Система. Личность. Сб. науч.статей. Екатеринбург: НУДО «Межотраслевой региональный центр», 2000. С.260–265.
18. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб.статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: «Азбуковник», 2000. С.26–35.
19. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского университета. Гуманитарн.науки. Вып.5. № 24, 2002. С.217–227.
20. Метаязыковой голос в современном публицистическом дискурсе // Русский язык в центре Европы. 5. Ассоциация русистов Словакии. Банска Бистрица. 2002. С.46–51.
21. Невербальная семантика синтаксических конструкций в разговорной речи // Семантика языковых единиц. Докл. 5-й Междунар. конф. Т. II / Моск. гос.открыт.пед.ун-т. М.: Изд-во «Физкультура, образование и наука», 1996. С.24–25.
22. Газетный заголовок как скрытая реплика в культурном диалоге // Язык и культура. Четвертая междунар. конф. Докл. и тезисы. Ч.1. / Киевск.ун-т. Фонд гуманитар.развития «Collegium». Киев, 1996. С.240–241.
23. Тексты-рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конференции. Третьи Шмелевские чтения, 22–24 февраля 1998 / Российская академия наук. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. Моск. пед. гос. ун-т. М.: «Русские словари», 1998. С.16–18.
24. О языковой рефлексии в современной русской речи // Семантика языковых единиц. Докл. У1 Междунар. конф. Т.2. / Моск.гос.открыт.пед.ун-т. М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1998. С.224–226.
25. Мифы и легенды современной России // Язык. Система. Личность. Материалы докл. и сообщ. междунаrodn.науч. конференции, 23–25 апреля 1998 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Отв.ред. Т.А.Гридина. Екатеринбург, 1998. С.36–37.
26. О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России–3: Материалы раб. совещ. (Москва, 27–28 марта 1999 г.) / Под ред. Ю.А.Сорокина и В. Н. Базылева. Ч. 1. М.: Диалог–МГУ, 1999. С.51.
27. Повседневная речь: норма как оценка речи // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни: Материалы междунаrodn.научн.совещания 18–19 ноября 1997 года / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999. С.34–40.
28. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докл. между-

народн.конф. 1У Шмелевск.чтения, 23-25 февр.2000г./ Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: «Азбуковник», 2000. С.26–28.

29. От эволюции отношения к языку – к эволюции нормы // Языковая норма и новые тенденции в развитии речевой культуры: Материалы II Международн.школы-семинара. Иваново, 18-19 апр. 2000 г. Иваново: Изд-во Ивановск.ун-та, 2001. С.109–111.

30. О феномене моды в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международн.конгресс русистов-исследователей. (Москва, филолог.ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Под общ.ред. М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.25–26.

31. «Я не люблю это слово...», или об усилении метаязыковой деятельности на переломе общественной жизни // Международн. научн.конф. «Язык и культура», Москва, 14-17 сентября, 2001 г. Тезисы докл. М.,2001. С.34–35.

32. Русская речевая жизнь в контексте культуры // Всероссийск. конф. «Русский язык на рубеже тысячелетий. 26–27 октября 2000 г.: Материалы докл. и сообщ. в 3-х томах. Том 3. Теория и практика преподавания русского языка: традиции и перспективы. С-Пб: Филолог.фак-т СПбГУ, 2001. С.3–9.

33. Проблемы семантического анализа лексики и «наивная семасиология» // Проблемы семантического анализа лексики: Тезисы докл. международн. конф. Пятые Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г. М.: «Русские словари», 2002. С.20–22.

Подписано в печать 18.03.03. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага пром.-печатная. Объем 2,6 печ. л. Тир. 100 экз. Зак. № 98.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

2003-A

7094

W.7094